

UNIVERSITETET I OSLO
DET HUMANISTISKE FAKULTET
Institutt for litteratur og områdestudier

MASTEROPPGAVE I RUS4192
OVERSETTELSESSTUDIER, RUSSISK
Vår 2017

**En oversettelse av *Gjest fra Jenisej* av Galina Safonova-Pirus
og kommentarer til oversettelsen med
kontrastiv analyse av diskurs partikler**

Skrevet av Sorokina Tatiana

Oppgaven er på 80 sider, forsiden inkludert.

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение	3
Часть I	
Gjest fra Jenisej [Galina Safonova-Pirus].....	4
Часть 2	
2.1 Что такое перевод?.....	12
2.2 Уровни эквивалента.....	14
2.3 Как быть если в языке перевода нет эквивалента.....	18
2.4 Стратегии перевода.....	19
2.5 Доместикация и форенизация в переводе.....	24
2.6 Лексический эквивалент в переводе.....	26
2.7 Грамматический и текстовый эквивалент в переводе.....	27
2.8 Характеристики перевода <i>Гость с Енисея</i>	33
2.9 Другие сложности перевода <i>Гость с Енисея</i>	35
2.10 Заключение Части 2.....	36
Часть 3	
3.1 Частицы в переводе.....	37
3.2 Частицы в русском языке и их категории.....	38
3.3 Сравнение частиц с другими частями речи.....	45
3.4 Дискурс, семантика и прагматика.....	46
3.5 Модальность.....	48
3.6 Частицы и модальность.....	50
3.7 Частица <i>Вряд ли</i>	51
3.8 Обобщение характеристик частицы <i>Вряд ли</i>	59
3.9 Частица <i>Ведь</i>	61
3.10 Обобщение характеристик частицы <i>Ведь</i>	71
3.11 Сравнение частиц <i>Вряд ли</i> и <i>Ведь</i>	73
3.12 Заключение Части 3.....	77
Bibliography.....	79

ВВЕДЕНИЕ

Данная дипломная работа состоит из трех частей. Часть I включает перевод рассказа *Гость с Енисея / Gjest fra Jenisej* Галины Сафоновой-Пирус с русского языка на норвежский язык. Часть II состоит из описания теоретических стратегий перевода и практических сложностей, возникающих при переводе. В данной части мне также хотелось бы остановиться на значениях текста и перевода, и что подразумевает под собой перевод текста. Также будут рассмотрены такие концепты, как эквивалент и уровни эквивалента. В процессе данного описания мне также хотелось бы рассмотреть сложности перевода текста *Гость с Енисея* и практическое применение предлагаемых стратегий при переводе данного текста.

Часть III включает в себя исследование дискурсивных частиц *вряд ли* и *ведь* в контрастной русско-норвежской перспективе с использованием параллельного корпуса RuN. Прежде чем приступить к анализу данных корпуса, мне хотелось бы осветить несколько теоретических вопросов, имеющих непосредственное отношение к описанию частиц, в частности, связанных с такими терминами, как дискурс, семантическое значение, прагматическая функция и модальность. Данная часть также включает теорию, которая определяет частицы дискурса и дает динамический подход к их описанию, а также описание частиц *вряд ли* и *ведь*. Наконец, будут проанализированы трансляционные эквиваленты данных частиц на норвежском языке. Кроме того, будут проанализированы возможные сходства и различия семантических значений и прагматических функций данных частиц.

Причина, по которой мне хотелось бы сравнить частицы *вряд ли* и *ведь* очень проста: данные частицы выражают абсолютно противоположное значение, в то время, как во многих случаях они охватывают одни и те же семантические поля. Я предполагаю, что в некоторых семантических значениях данные частицы перекрещиваются. Детальный анализ эквивалентов перевода данных частиц на норвежский язык может показать, в каких семантических значениях данные частицы могут пересекаться, а в каких употреблениях они будут сохранять противоположные семантические значения.

ЧАСТЬ 1

Gjest fra Jenisej [Galina Safonova-Pirus]

Гость с Енисея [Сафонова-Пирус]

Han fant meg på Internett. Han var min ex-beundrer og journalist i en regional avis, han som i mine unge år fridde til meg og etter at jeg avslo, da reiste han med en gang til Russlands fjerne Østen. I mange år visste jeg ingenting om ham, men så plutselig... ”Husker du meg?” – det var hans første spørsmål. Og jeg svarte forsiktig for å sjekke om det var han: ”Jeg kjente en gang en fyr med det etternavnet som bodde i ...” og jeg skrev navnet på hjembyen min. Han svarte med en gang: ”Ja, det er meg, Vasilij! Kanskje du husker at vi pleide å danse i parken? Etterpå fulgte jeg deg hjem, og da kom alltid den hvite hunden deres Laska og møtte oss.” Ja, nå visste jeg det: det er han. Og jeg skrev: ”Hvor er du nå?” ”Jeg bor på elvebredden ved Jenisej, hvor jeg etter hvert har begynt å føle meg som hjemme.” Vel, etter hvert viste det seg at han snart skulle besøke slektninger i hjembyen min, i nærheten av distriktssenteret hvor jeg bor nå, og hvis jeg ikke hadde noe imot det, ville han gjerne møte meg. Og et møte ble det. Vasilij åpnet døren for meg og slapp meg inn i en verden som var helt ukjent for meg – en verden fylt av liv fra den fjerne Jenisej-elven.

Nå sitter vi i nærheten av stedet der det en gang var et dansegulv der jeg virvlet rundt i vals med ham, men så er han trist:

– Alt har forandret seg så mye! Ingenting fra den gang er igjen. Men husker du...

Og han begynner å mimre om dagene for lenge siden da parken ble kalt for Byens hage, der det hver eneste kveld spilte et hornorkester, da det på stedet stod en fontene som ikke virket, den hadde en form som en rund bolle og på kantene av den stod det små løveunger og så på det som skulle ha vært vannstråler...

– Vasil, – avbrøt jeg forsiktig – kan jeg kalle deg det... slik som tidligere?

Han smilte:

– Ja, selvfølgelig... – Han senket blikket og et velkjent drag gled over ansiktet hans:

– Og det er faktisk veldig hyggelig for meg...

– Så Vasil, livet går videre, det løper, flyr, alt flyter, alt forandrer seg, så hvorfor er du trist?

Jeg har fortalt deg om meg selv, så nå kan du fortelle om hvordan dere lever der, ved den fjerne Jenisej-elven?

– Ja, vi lever... – Og han nølte litt mens han fulgte en løpende gutt med blikket – eller rettere

sagt vi overlever. Og jeg sier ikke ”overlever” for å få din medlidenhet, men fordi... – Han tok en pause og så en stund på ungene som prøvde å huske på husken, da hører jeg: Da jeg dro fra denne byen, var det med engstelig hjerte: hvordan skulle det gå med meg der borte?.. På de fremmede stedene, i et fremmed miljø, på den harde, sibirske taigaen?

– Hvorfor skulle du absolutt til taigaen? Det finnes også store byer i Sibir, og for en journalist i de...

Han smilte:

– Jeg reiste ikke dit som journalist. Jeg bestemte meg med det samme for at jeg ville bli fisker og jeger.

– Herregud, hvorfor tok du så drastisk avgjørelse?

– Og dette er... Av en eller annen grunn, bestemte jeg meg da... da du ikke... – Og han så på meg, smilte litt, men avsluttet ikke setningen. – Jeg besluttet umiddelbart og ugjenkallelig at nei, jeg ville ikke være journalist. Jeg var lei av å være listig, å lyve, å adlyde partiets ”kamerater”. Jeg ville bli et helt selvstendig menneske, slik at ingen skulle diktere meg, ingen som fortalte meg hva jeg skulle gjøre. Og akkurat på dette tidspunktet leste jeg i avisen at de trengte fiskere og jegere ved Jenisej, så da...

– Men du... – jeg så spørrende på ham.

Han gjettet hva jeg tenkte på:

– Vel, jegeren i meg var ikke så god... bare noen ganger gikk jeg sammen med faren min i skogen på jakt. Men det var instruktører ved Jenisej, så... Vasilij tidde igjen som om han husket noe, men så begynte han igjen:

– Så jeg har lært meg det. For å si det rett ut, så måtte jeg lære meg det da jeg ble sendt med en hund, mat i hermetikk og med en sekk tørt brød for å være i flere måneder på taigaen. Når man har et ønske om å overleve, så overlever man. Jeg var nødt til å lære meg alt sammen i løpet av de fire første månedene på jakt. Å legge snarer, å tenne på våt ved og å forstå hunden sitt språk for å finne mat, bygge hytter og lage jaktløyper til dem...

– Vent, vent... – Jeg ristet på hodet – du glemmer hvem du snakker med. Jeg vet ikke hva snare og jaktløype betyr og hvorfor det var nødvendig å bygge hytter? Han lo:

– Åh, beklager, virkelig... Om det er noe du ikke forstår, så bare spør... Ja, snarer er fangstredskap for sobel, noe som vi legger hver hundrede eller hundrede og femti meter, og jaktløyper er jaktstier til stolpehus... det vil si hytter som er beskyttet mot kulde med mose og jord og satt på høye stolper...

–Hytter som står på kyllingbein? – smilte jeg.

– Ja, for å beskytte dem mot bjørner. Bjørner som kan stikke inn i hytta, ødelegge og kaste ut

alt... Så, vi tar med oss nitti brød og andre matvarer til hvert av stolpehusene. De er spredt over hele territoriet til jegeren, for hver hundrede kilometer i åtte hundre kvadratkilometer. –Åh, nå må du unnskyld meg. Har en jeger virkelig et så stort territorium? – spurte jeg forbløffet.

– Det er riktig, – han smilte. – For deg som bor i denne urbane verdenen er det vanskelig å tro, men... – Han reiste seg og inviterte meg med en håndbevegelse til å spasere en tur i parken side om side:

– Etter det kom jeg tilbake til tettbebyggelsen... til landsbyen og med pengene jeg hadde tjent på pels, kjøpte jeg meg et hus og bosatte meg der.

– Bestemte du deg bare med en gang for å bli der, eller..? – spurte jeg og med en gang forsto jeg at spørsmålet var malplassert.

– Generelt sett er ”å bo” – feil ord. Jeg vil si at jeg prøvde å leve. Vet du – han stoppet – fra den relative sivilisasjonen havnet jeg i en tilværelse som der... – han smilte – en landsby med rundt tre hundre innbyggere, en lege og en politimann som var hundre og femti kilometer derfra, en butikk der matvarene ble fraktet med helikopter en gang i uken, og mel med båt fra mai til september... For å si det kort var forholdene der vanskelige, men det var en vid horisont der, en skjønnhet! Det var den endeløse Jenisej med soloppganger over de høye breddene, uendelige skoger med svært høye sedrer og den deiligste luften! Og aller viktigst av alt, fikk jeg en ubeskrivelig følelse av at jeg endelig kunne rette meg opp, at jeg kunne stå foran denne skjønnheten og puste dypt med hele brystet.

Jeg smilte, og han la merke til det:

– Hva, er det et alt for litterært språk?

– Og, uten å vente på noe svar, la han til: – Men det jeg sier er sant, og jeg kan ikke uttrykke meg på noen annen måte... så skyldes det meg og min udugelighet.

– Ja vel, – jeg stoppet litt og så på ham: – Det er ikke det. Det viktigste er at jeg har lært meg så mye nytt... landsby, snarer, jaktløyper og soloppganger over den høye østlige bredden av Jenisej... – Jeg smilte, så på ham så kjærlig som mulig og gikk videre:

– Kom igjen, fortell meg mer, Vasilek. For meg er faktisk alt dette nytt og veldig interessant. Så hvordan klarte du å leve blant disse endeløse horisontene – med mitt spørsmål så fikk jeg ham til å svare.

– Og så ble jeg en del av det – han begynte å tro på at jeg virkelig ble interessert i dette.

– Først av alt lærte jeg meg å lage snarer og bygge hytter med øks, og også å lage alt annet med den, fordi øksen er det viktigste verktøyet i disse områdene. Vet du, der borte sier de at hvis det ikke fantes kile og mose, ville snekkeren dø.

– Vel,... det er klart hva mosen brukes til, men hva kan man bruke en kile til her?

– Ikke her... – han begynte å le – men der. Og der er det en kile som er laget med øks som er nødvendig for å dele en gran til planker og som deretter brukes for å lage ski, for med kjøpte ski kan man ikke gå langt. Det er bare de skiene man lager selv som kan brukes lenge... Og jeg lærte ikke å lage dem med en gang – først fjerde gang fikk jeg det til, før det når jeg begynte å lage en bue på skiene med et spesielt utstyr, så sprakk de og sprakk... Det krever erfaring, håndlag... – Han stoppet, tiet litt og så på meg: – Vet du, vi må alltid tenke på vårt arbeid, ellers vil vi ikke overleve, men hos dere... Man går på jobb, kommer hjem, og det er alt, man kan slappe av.

– Vel, nei... Hva med... Jeg har også noe... – begynte jeg å mumle og Vasil smilte:

– ”Du har også noe”, men det er ikke det samme... Hvis du gjør noe feil, vil dine sjefer rette det, men hos oss... Om jeg ikke fikk fisk, og ikke skjøt gjess eller ender i trekktiden, så er det...

– Jeg synes synd på fuglene – datt det ut av meg. – Man kan treffe en svane ved et uhell.

– Det kan skje... men jegerne jager dem fra sjøene... – Han så på meg – Vel, fra små innsjøer som danner seg etter vårflommen, og de gjør det fordi hvis svanene setter seg, vil ikke gjess lande. På disse innsjøene setter det seg deretter ender, kvinender, stokkender og stjertender som...

– Som dere dreper? – Jeg så bebreidende på ham.

Vasilij tiet litt, tok et par skritt og så hørte jeg:

– Vi sier ikke ”drepe”. Vi sier ”høste”. Og du skjønner at det ikke er mange som får lønn i vår landsby. De fleste lever av det de høster på jakten, fra elva og fra hagene sine i løpet av den korte sommeren, og snøen kan komme i juni. Vel, de lyse nettene hjelper mye for at grønnsaker vokser, men det meste får man fra jakt. Så om våren drar jegerne til hver sin koie... vel, det er et skur ved sjøen der de bor i løpet av vårjakten... – Han så på meg igjen

– Jeg skal forklare. Vårjakt er både jakt og fiske ved sjøen om våren.

Vi forlot parken og gikk nedover gaten, som fulgte ned til elven. Jeg husket plutselig at vi hadde gått denne veien en gang før... men da holdt vi hverandre i hendene. Herregud, det var så lenge siden! Jeg begynte å lure på om at han husket det. Å spørre? Nei, det ville jeg ikke, men jeg spurte om noe annet:

– Vasil, hvordan har du det?.. Er du gift, har du barn?

Han svarte ikke med en gang:

– Jeg gikk jo denne veien sammen med deg en gang... – han smilte, vinket med hånden og fortsatte: – Jeg giftet meg... Men når barna...

– Er det gutter, jenter? – avbrøt jeg.

– En datter som nesten er voksen og en liten sønn... Så da barna ble større og min kone fikk veldig lyst til å flytte til Krasnojarsk, kjøpte jeg dem en leilighet der. Hun ba meg om å bli med, men jeg... – Han sparket bort en kvist fra veien: – Jeg flyttet ikke. Vel, jeg kunne ikke gå tilbake til det slaveriet igjen etter at jeg hadde nytt friheten! Men jeg reiser dit ofte fordi jeg skriver noen artikler for den regionale avisen, og jeg savner barna.

Han tiet. Kanskje var temaet altfor tungt for ham. Jeg var nødt til å komme meg bort fra det. Og da spurte jeg ham det første jeg kom på:

– Fortell meg, blir du ikke lei av fisk, fisk, fisk?

Han lo:

– Nei, jeg blir ikke lei av den. Det er så mange forskjellige typer!.. Krøkle, sik, hvit laks, gullbust, abbor, ligatur, lin, gjedde... Men vi fisker gjedde hovedsakelig for hundene fordi hver hund spiser omtrent to hundre kilo fisk i løpet av vinteren. Og ørret, stør, tugun... veldig liten og fet fisk, men som røkt er den veldig deilig! Og uansett, det finnes mange forskjellige måter å tilberede fisk på: salte, røyke, tørke eller lage suguday... – Han så på meg: - Ja, om vinteren fisker vi fra en råk, vi kutter den i biter og blander godt med salt og snø, og når vi spiser den, vasker vi hver bit og legger i munnen. Det er deilig.

– Så deilig at jeg får vann i munnen. Også pinjekjerner...

– Ja, og pinjekjerner.

– Forresten, hvordan plukker dere dem?

– Vi begynner å plukke dem når jordekornene begynner å spise dem. Vi går til et sedertre og banker med en klubbe på stammen, så faller konglene ned, da plukker vi dem! Vi tar dem med hjem, og så tar vi ut konglekjernene og legger dem på gårdsplassen slik at vinden fra Jenisej tørker dem. Så har vi den som en delikatesse hele vinteren. Det finnes så mange gode ting i Sibir om man ikke er lat...

Gaten førte oss til elven. Jeg satte meg på en båt som lå opp ned. Vasil gikk noen skritt bort fra båten og så på den:

– Det var en solid konstruksjon, men...

– Og hva mener du med ”men”?

– Den er tung, klumpete. Våre båter er lette, smidige... men vi kan bare skyte fremover i dem, ellers kantrer de. – Han så det spørrende blikket mitt og forklarte: – Vi lager dem av ospestamme. Åh, det er så møysommelig arbeid! I tre dager hugger og hugger man, og når veggene blir tynne, må man være forsiktig for ikke å lage et hull i planken. I gamle dager pleide ketere å lage disse båtene, men så... – han tiet.

– Og hva så? – spurte jeg spent.

– Og så ødela de for seg selv ved å drikke. De har veldig dårlig motstandskraft mot alkohol, og da russerne kom dit, åpnet de butikker med vodka, så da begynte ketterne å bytte pels mot vodka, og da ble de alkoholisert. Det er ikke flere enn ett tusen kettere nå. I tillegg til det, har de ikke tradisjon for å dyrke grønnsaker og hager med frukt, og de driver heller ikke med husdyrhold. Hvordan kan man overleve uten alt dette?

Jeg visste ikke hva jeg skulle svare, jeg pustet dypt i den friske kveldsluften og sa:

– Fantastisk vakker utsikt!

Jeg så på Vasilij. Likte han vår ”vakre utsikt”? Men øynene hans var allerede fremmede, som om at han i det øyeblikket forlot meg og var et sted der ute... kanskje ved bredden av Jenisej?

– Vasil, hei! – sa jeg stille. – Hvor er du nå?

Og han kom tilbake:

– Selvfølgelig forstår jeg at den lille bekken er en ”vakker utsikt” for deg, men for meg...

– Og for meg – avbrøt jeg – ved denne bekken har jeg allerede fått et myggstikk, pokkers mygg...

Han begynte å le:

– Bare én og med en gang ”pokkers mygg”? Hva om at alle blodsugende insekter var her på en gang: mygg, brems, knott?

– Åh, det er sant... – jeg slo en mygg til – Hvordan tåler dere alt dette?

– Vi bruker bjørketjære. Vi tar bjørkenever og legger i en bolle med et dreneringshull, dekker den med en balje og så tenner vi på bjørkeneveren. Og etter omtrent tre timer er tjæren klar. Deretter blander vi det med fett, smører oss og jobber. Vi er også vant til insekter. Man legger ikke merke til insekter når man er opptatt med jobben sin. Men ærlig talt, sommeren er ikke den beste tiden for oss...

– Hvorfor ikke? Om sommeren er det jo varmt. Forresten, er det veldig kaldt på vinteren hos dere?

– Veldig kaldt. Kaldt med mye snø. Masse snøfonner!.. Så da har vi det travelt med å måke snø fra veien til veden. Vi bruker for det meste ved. Kull må man frakte med båt, men veden... I april, når det er skare på snøen, kan man kjøre så mye ved man vil. Og i mai, når vannet blir isfritt, begynner det å flyte tømmer som er hugget i de øvre delene av Jenisej. Da tar vi dem opp fra elven og lar dem tørke hele sommeren, om vinteren sager vi dem og hugger, hugger... Så det er ikke tid til å kjede seg.

Vasilij reiste seg opp og rettet på skuldrene:

– Vel, la oss gå... Kanskje du har begynt å kjede deg med mine...

– Nei, du! – skyndte jeg meg å svare. – I mitt grå og ensformige dagligliv er dine historier... som en frisk vind. Vet du, jeg har lyttet til, jeg fikk en følelse av at jeg har gått glipp av de viktigste tingene i livet, som for eksempel...

Og jeg tiet fordi jeg kunne ikke finne de riktige ordene. Og han forsto mine følelser... forsto betydningen av det som jeg ønsket å si, og for at min triste følelse ikke skulle vokse, begynte han å snakke om ruinene av tempelet på bakken og om parken som vi allerede hadde gått forbi.

Etter det ble vi enige om å møtes igjen for å snakke om Jenisej og om min oppfatning av det Vasilij hadde fortalt meg. Så tok vi avskjed. Vi traff ikke hverandre igjen.

Men jeg fikk et brev fra han, og det virket som en oppsummering av vårt møte.

”Jeg beklager at jeg måtte dra så snart til tross for at jeg var spent på å møte deg igjen!

Hele veien tilbake tenkte jeg på at det er noe jeg ønsker å si til deg og med tanke på at vi neppe kommer til å møtes igjen, skal jeg prøve å skrive det i dette brevet.

Vet du, det du sa: ”I livet mitt har jeg gått glipp av noe av det viktigste” det førte meg tilbake til min journalistiske fortid, og jeg tenkte: vel, kanskje måtte jeg bruke muligheten til å være journalist for å fortelle publikum noe av det som jeg har i sjelen min i stedet for å leve det frie livet i naturen som en ordinær mann? For nå lever jeg av jakt og fiske, frukten av mitt arbeide kan jeg alltid se foran mine egne øyne. For å være ærlig, har jeg ikke funnet svaret på det spørsmålet. Men en ting kan jeg si sikkert, nemlig at ”Dette” var sterkere i meg. Jeg kan nesten se ditt spørrende smil: ”Hva mener du med ”Dette”? Og derfor svarer jeg... på forhånd ber jeg deg om unnskyldningen for det altfor litterære språket mitt (se, journalisten lever fremdeles i meg!). Du skjønner, når jeg i begynnelsen av mai står på bredden av Jenisej og ser på isen som beveger seg rett før isgangen, og når endelig Jenisej kalver, brytes isen og den begynner sin evige gang, da føler jeg at noe i meg blir født på nytt og dette nye fyller meg med en uforståelig styrke og tro på mitt eget... bare mitt! menneskeverd. Hvorfor det skjer? Jeg vet ikke. Akkurat som jeg ikke vet hvorfor det er slik at når jeg kjører med båten på den blanke elveoverflaten og ser på de uendelige skogene langs bredden, og det ikke er noen rundt meg – ikke en eneste sjel unntatt hunden fremme i baugen på motorbåten, så får jeg den gode følelsen av evigheten og mitt fellesskap med den. Kanskje er det flere generasjoners minne? I flere generasjoner har folk kastet sine mest dyrebare brødsmuler i Jenisejelven i løpet av de første timene av isgangen og skylt ansiktene sine med en håndfull vann fra elven. Kanskje er det bare dette ubrytelige båndet med naturen som gjenoppretter verdigheten til et menneske og gir ham styrke? Menneskets avstand fra naturen, tap av forbindelsen med den, tap av

interessen i den og tap av muligheten til å se resultatene av sitt eget arbeid direkte, i det samme øyeblikket og ikke i det fjerne perspektivet – alt dette fører til at følelsen av virkeligheten forsvinner, man mister sunne instinkter og de blir borte, og en omkringliggende verden blir fremmed og fjern og i sjelen dannes det en slags tomhet som er vanskelig å fylle med noe spennende. Og dessuten, byens verden er forfengelig og støyende, men å tenke og leve godt kan man bare med en stor reserve av stillhet i sjelen. Ja, sannsynligvis er det slik... Jeg vet ikke om at jeg har sagt noe nytt til deg med disse linjene, om du har noen innvendinger til dette eller om du forblir taus, men tro meg, jeg måtte få det ut av meg ved hjelp av akkurat deg, bare deg!”

Jeg har fremdeles ikke svart Vasilij...

ЧАСТЬ 2

ЧТО ТАКОЕ ПЕРЕВОД?

Перевод – это воспроизведение оригинального текста посредством другого языка. Под процессом перевода подразумевается процесс воссоздание семантической, стилистической и внутрилингвистической информации текста с исходного языка на язык перевода. Под текстом подразумевается единство формы и содержания.

Коммуникативная цель любого текста состоит в передаче его смысла посредством языка, где язык является центром человеческого построения действительности и функционирует как система человеческого общения. Другими словами, любой текст, устный или письменный, служит для коммуникативной цели и имеет социальную составляющую. Как замечает Томпсон: ‘Text means any instance of language in use’ (Thompson: 2004:10). Таким образом, цель любого текста или любого фрагмента языка – передать смысл сказанного. Смыслу и значению сказанной или написанной информации уделяется огромное внимание как в описаниях грамматики и прагматики, так и в описаниях стратегий переводов. Томпсон поясняет значение смысла таким образом: "The meaning is a sum of what the speaker or writer wants the hearer or reader to understand." (Thompson: 2004: 7).

Перевод, в свою очередь, является процессом перемещения текста. Так Якобсон выделяет три типа перевода: **внутриязыковой перевод**, который включает в себя перефразирование на языке оригинального текста: "intra-lingual translation (rewording in the same language)", **межсемиотический перевод**, который включает в себя переработку текста на языке оригинала, например для использования данного текста в другом жанре искусства: "intersemiotic translation (such as a film based on a novel)" и **межъязыковой перевод** при котором все сообщение переносится на другой язык: "translation proper – interlingual translation whereby an entire message is transported into another language" (Jakobson 2000: 114).

Межъязыковой перевод (interlingual translation) заключается в переносе текста с одного языка на другой. Технически задача переводчика охватывает оригинальный текст и его автора и текст перевода и его читателя: “Translation is by its very nature characterised by a double-bind relationship, i.e., any translation is simultaneously bound to its source text and to presuppositions and the conditions governing its reception in the new target linguistic and cultural environment” (House: 2001: 131). Она, в свою очередь, разделяет межъязыковой

перевод на две категории: **открытый перевод** (overt translation) и **скрытый перевод** (covert translation). Эти две концепции занимают центральное место в ее характеристике переводов. Под концептом **открытый перевод** House подразумевает дословный перевод: “[...] an overt translation is thus one which must overtly be a translation, not a “second original”. The source text is tied in a specific manner to the source language community and its culture [...]. Source texts that call for an overt translation have an established worth in the source language community, they are either tied to a specific occasion in which a precisely specified source language audience is/was being addressed or they may be the timeless source texts.” (House: 2001: 140). В результате данного перевода стиль, смысл и последовательность оригинального текста сохраняются в тексте перевода: “[...] an original and its overt translation are to be equivalent at the level of Language/Text and Register as well as Genre. (House: 2001: 141). **Скрытый перевод**, в свою очередь, подразумевает перевод текста, который функционально эквивалентен оригинальному тексту: "A covert translation is a translation which enjoys the status of an original source text in the target culture. The translation is covert because it is not marked pragmatically as a translation text of a source text but may, conceivably, have been created in its own right. A covert translation is thus a translation whose source is not specifically addressed to a particular source culture audience, i.e., it is not firmly tied to the source language and culture. A source text and its covert translation are pragmatically of equal concern for source and target language addressees [...]". (House: 2001: 140).

Таким образом, House утверждает, что функциональная эквивалентность в открытом переводе может быть сохранена, однако более приоритетными эквивалентами в данном виде перевода являются текст, регистр, а также жанр текста, в то время как в скрытом переводе функциональная эквивалентность является главным приоритетом. В связи с этими причинами, данные виды перевода имеют разные коммуникативные функции: открытый перевод переносит традиционные и культурные ценности и их выражение с оригинального языка на язык перевода, в то время как скрытый перевод является переносом действия литературного произведения аудитории языка перевода.

Примерами открытого перевода могут служить туристические буклеты, литература, связанная с описанием исторических событий, обычаев народов, их культуры и географии, а также исторические романы. Примерами скрытых переводов, в свою очередь, могут являться повести и романы, рассказы, поэзия и другие жанры литературных произведений.

Если мы рассматриваем процесс перевода как передачу и восприятие сообщения, которые необходимы для межлингвистической коммуникации, текущая ситуация подскажет, какой вид информации в первую очередь должен быть передан слушателю или читателю. Однако многие лингвисты считают, что стиль в переводе является одним из важнейших элементов. Так, Boase-Beier предполагает, что в литературном переводе стиль исходного текста является самым важным элементом, и он должен быть донесен до читателя в первую очередь: [...] style is central to the way we construct and interpret the text. “[...] what a concern with style means for translation studies is paying attention to what is unique to the text and its choices, being aware of patterns in the text, and paying close attention to the essential nature and function of the text. Increasingly, style has ceased to be viewed only in terms of its linguistic features and has come to include such issues as voice, otherness, foreignization, contextualization, and culturally-bound and universal ways of conceptualizing and expressing meaning. To pay attention to style in translation study means to consider how all these factors are reflected in the text and its translation.” (Boase-Beier: 2014: 1-2). В синхронном переводе, в свою очередь, наиболее важным является перевод значения исходного сообщения на язык перевода.

УРОВНИ ЭКВИВАЛЕНТА

В процессе перевода, значение, как на уровне слова, так и на уровне предложения, связано с понятием эквивалента, то есть с идеей, что конечный текст должен иметь эквивалентный смысл, стиль и форму оригинального текста. Формальная эквивалентность важна в связи с переводом литературных произведений, таких как журнальные и газетные статьи, художественная литература и поэзия, где формальность языка играет значительную роль. Таким образом, в переводе мы хотим достичь какой-то формальной эквивалентности смысла и эффекта исходного текстового сообщения и конечного текстового сообщения. В своей книге *В Других Словах (In Other Words)*, Мона Бейкер (Mona Baker) предполагает, что смысл текста при переводе с одного языка на другой имеет разные уровни эквивалента. Так, лексический эквивалент связан с уровнем смысла лексических единиц, таких как слов, словосочетаний, фраз и идиом. Грамматический эквивалент, в свою очередь, связан с уровнем смысла грамматических и синтаксических структур основных и придаточных предложений. На уровне предложения она различает эквиваленты пропозиционального и прагматического смыслов. Пропозициональное значение возникает из отношений между словами в

высказывании и тем, к чему они относятся. Этот тип значения также предполагает, что предложение или высказывание может быть оценено как истинное или ложное.

Прагматический смысл, с другой стороны, берет во внимание конкретных людей в конкретных коммуникативных ситуациях в дополнение к смыслу, порожденному абстрактной системой лингвистических отношений. Бейкер также упоминает несколько других значений, влияющих на процесс перевода, таких как выразительное и предполагаемое значения. Каждое из этих значений играет определенную роль в том, как мы интерпретируем смысловое значение всего предложения или высказывания. В переводе каждое из этих значений связано с понятием эквивалента – текст перевода должен быть на каком-то уровне (уровнях) эквивалентным исходному тексту.

Таким образом, при обобщении названных выше эквивалентов, эквивалентность в процессе перевода может быть на грамматическом, текстовом и прагматическом уровнях, которые учитывают как лингвистический, так и коммуникативный подход и к оригинальному тексту, и к тексту перевода. Эквивалентность перевода может иметь разный характер, в зависимости от того, какой аспект текста и коммуникации мы рассматриваем как более весомый в зависимости от характера задачи перевода. Однако выявляются четыре основных уровня эквивалентности:

1. Лексический эквивалент (lexical equivalence), который возникает на уровне лексических единиц в переводе. Фактически, в процессе перевода, переводчик начинает анализировать каждое отдельное слово, чтобы найти соответствующий лексический эквивалент в языке перевода. Говоря о лексическом эквиваленте, важно отметить, что Бейкер предлагает четыре типа значения слова:
 - Смысловое значение (Propositional meaning) – значение, которое возникает из отношения между словом или выражением и тем, к чему оно относится, т.е. что это слово описывает или обозначает.
 - Вызванное значение (Evoked meaning) – значение, возникающее из вариаций диалекта и регистра, и из ассоциаций нормального контекста и словосочетаний данного слова.
 - Предполагаемое значение (Presupposed meaning) – значение которое обусловлено ограничениями совместного участия данного слова в словосочетаниях, а именно ограничениями выбора (теми, которые логически необходимы) и словосочетательными (collocational)

ограничениями (теми, которые не являются логически необходимыми, а скорее произвольными).

- Выразительное значение (Expressive meaning) – значение, которое связано с чувствами и отношением говорящего (Baker: 2011: 11-13).

Предлагаемые ею значения лексических единиц играют очень важную роль в переводе, в частности в тех случаях, когда в языке перевода не существует эквивалента какого-либо лексического элемента. В таких случаях Бейкер предлагает рассмотреть все значения данного лексического элемента и выбрать один из лексических элементов языка перевода, подходящий по одному или нескольким из вышеупомянутых значений.

2. Грамматический эквивалент (grammatical equivalence), который возникает на уровне грамматических элементов и грамматических категорий в разных языках. Так порядок слов в предложении, грамматическая структура предложения и грамматические правила могут различаться в разных языках. Различный порядок слов в предложении или грамматическая структура предложений в языке перевода могут вызывать значительные изменения в способе переноса информационной структуры или смысла сообщения. Отсутствие определенных грамматических элементов в языке перевода может создать некоторые проблемы с поиском подходящего по смыслу грамматического эквивалента.
3. Текстовый эквивалент (textual equivalence) относится к эквивалентности текстовых элементов, таких как регистр, сплоченность текста и тематическая и информационная структура общего сообщения. Факторы, такие как тип текста, цель перевода и аудитория играют основную роль в процессе перевода на уровне текстовой эквивалентности.
4. Прагматический эквивалент (pragmatic equivalence) относится к эквивалентности подразумеваемого значения предложения, высказывания или сообщения. Здесь переводчику необходимо понять подразумеваемый смысл сообщения автора оригинального текста и воссоздать его на языке перевода.

Halliday, в свою очередь также подчеркивает, что текст перевода должен быть семантическим и контекстуальным эквивалентом оригинального текста, а также

отмечает, что выбор приоритетного эквивалента зависит от задачи переводчика: "The sense in which "translation equivalence" is typically understood would be that of equivalence at the semantic stratum; but Catford recognizes equivalence at all the other strata, not only those of content, but also those of expression (e.g. phonology and phonetics) [...]. Equivalence at different strata carries different values; in most cases the value that is placed on it goes up the higher is stratum – semantic equivalence is valued more highly than lexicogrammatical, and contextual equivalence perhaps most highly of all; but these relative values can always be varied, and in any given instance of translation one can reassess them in the light of the task." (Halliday: 2001: 15). Переводчик постоянно делает выбор в отношении того, какие элементы текста следует сохранить и использовать на переднем плане, а какими пожертвовать. Как замечает House, [...] it is necessary for the translator to make choices, i.e., the translator must set up a hierarchy of demands on equivalence which he wants to follow." (House: 2001: 135).

Некоторые лингвисты подразумевают, что текст и контекст имеют разные составляющие, однако House замечает, что при рассмотрении значения эквивалента функционально-прагматической модели в процессе перевода, "текст" и "контекст" не должны рассматриваться как отдельные элементы, они должны рассматриваться как одно целое, где текст разворачивает контекст. Она также подчеркивает, что передача семантического и прагматического смыслов текста особенно важны для получения эквивалентного конечный результата перевода: "Three aspects of the "meaning" are particularly important for translation: a semantic, a pragmatic, and a textual aspect, and translation is viewed as the replacement of a text in the source language by semantically and pragmatically equivalent text in the target language. An adequate translation is thus a pragmatically and semantically equivalent one. As a first requirement for this equivalence, it is posited that a translation text have a function equivalent to that of its original." (House: 2001:136).

Не смотря на то, что текст литературного перевода должен быть эквивалентен тексту оригинала, он не может быть полной копией исходного текста, т.к. языки – это не просто набор слов и универсальных понятий – понятия одного языка может радикально отличаться от понятия другого, ведь каждый язык артикулирует и организует мир по своему (Culler 1976:21-22). Каждый язык индивидуален и имеет свою индивидуальную систему культурных и традиционных выражений. Каждый язык также имеет свою

индивидуальную грамматическую систему, поэтому совершенно невозможно точно без потерь преобразовать как форму, так и содержание исходного текста на язык перевода. Даже когда речь заходит о переводе текстов двух языков, которые имеют структурное, лингвистическое и культурное сходство, как например, норвежский и шведский, переводчик сталкивается с трудностями при выражения информации исходного текста в переводе. Таким образом, мы можем предположить, что некоторые элементы коммуникации во всех языках универсальны, в то время как другие имеют языковую специфику. Если это так, то универсальные элементы языка, как грамматические, так и лексические, не вызовут проблемы в переводах, в то время как элементы, имеющие специфику культурного или традиционного склада языка, более сложны в переводе. Взяв во внимание все вышесказанное, мы можем предположить, что литературный перевод должен являться интерпретационным творческим процессом. Как утверждает Якобсон, “Translation in a strict sense is not possible, at least for poetic texts, but “creative transportation” is possible because the cognitive experience is universal” (Jacobson: 2000: 113). Следовательно, литературный перевод всегда подразумевает интерпретирующий, креативный подход.

КАК БЫТЬ ЕСЛИ В ЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДА НЕТ ЭКВИВАЛЕНТА

Отсутствие эквивалента в языке перевода на лексическом уровне означает, что в языке перевода отсутствует эквивалент лексического элемента, слова или словосочетания оригинального текста. Таковыми могут быть названия и концепты культурного, традиционного или религиозного характера, а также пословицы и метафоры.

Отсутствие эквивалента на грамматическом уровне означает, что в целевом языке отсутствует грамматическая категория, которая используется в оригинальном тексте. Примером такой категории может послужить деепричастие (*gerund*), поскольку данная грамматическая категория в некоторых языках отсутствует. Наиболее важным различием между эквивалентами лексического и грамматического характера является то, что для передачи смысла и стиля оригинального текста грамматические соответствия в основном обязательны, в то время как лексические соответствия в основном необязательны.

Проблема отсутствия эквивалента является одной из наиболее важных теоретических и практических проблем в переводе. Некоторые слова и предложения трудно перевести

на целевой язык, потому что целевой язык не имеет формального эквивалента, который покрывает значение исходного слова или грамматическую конструкцию предложения. Ниже я рассмотрю некоторые из предлагаемых стратегий в переводе, а также их конкретные примеры применения на практике.

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА

Одно из наиболее важных понятий в описании стратегий перевода является понятие "смещения в переводе" (translation shifts). Как объясняет Jeremy Munday, "Translation shifts are small linguistic changes that occur in translation of source text to target text." (Munday: 2001: 55). Vinay и Darbelnet, в свою очередь, предложили сравнительный стилистический анализ, с помощью которого можно описать смещения в переводе. Их модель заключается в категоризации стратегий перевода для описания лексических и текстовых изменений, которые появляются в процессе перевода. Предложенные ими стратегии перевода имеют две основные категории: дословный перевод (direct translation) и косвенный перевод (oblique translation). Эти две категории охватывают семь методов или стратегий перевода. Vinay и Darbelnet определяют их таким образом:

Дословный перевод (direct translation) состоит из трех основных стратегий:

1. **Заемствование (borrowing)** заключается в простом переносе лексического элемента из оригинального текста в текст перевода: "Borrowing is the simplest of all translation methods when the source language word is transferred directly to the target language." (Vinay and Darbelnet: 1995: 31)
2. **Калька (calque)** представляет собой особый вид заимствования экспрессионной формы оригинального выражения, но затем применяется дословный перевод каждого из его элементов: "Calque is a special kind of borrowing whereby a language borrows an expression form of another, but then translates literally each of its elements." (Vinay and Darbelnet: 1995: 32)
3. **Литературный перевод** или перевод слово-в-слово (literal or 'word-for-word' translation) представляет собой прямой перенос оригинального текста на язык перевода, учитывая грамматические и идиоматические особенности языка перевода: "Literal or 'word-for-word' translation is the direct transfer of a source

language text into a grammatically and idiomatically appropriate target language text [...]" (Vinay and Darbelnet: 1995: 33)

Косвенный перевод (oblique translation) состоит из четырех основных стратегий:

1. **Транспозиция (transposition)** представляет собой замену одного грамматического класса на другой без изменения смысла сообщения:
"Transposition is the method that involves replacing one word class with another without changing the meaning of the message." (Vinay and Darbelnet: 1995: 36)
2. **Модуляция (modulation)** представляет собой изменение формы сообщения, полученного путем изменения точки зрения. "Modulation is a variation of the form of the message, obtained by a change in the point of view." (Vinay and Darbelnet: 1995:36)
3. **Эквивалентность (equivalence)** представляет собой стратегию, в процессе которой переводчик использует совершенно отличающиеся стилистические или структурные способы для получения эквивалентного смысла текста перевода. Как замечают авторы данной стратегии, эквивалентность совершенно необходима в процессе перевода идиом и пословиц:
"Equivalence refers to a strategy to describe the same situation by using completely different stylistic or structural methods for producing equivalent texts. Equivalence is not only useful but also necessary in translating idioms and proverbs. (Vinay and Darbelnet: 1995: 38)
4. **Адаптация (adaptation)** представляет собой стратегию, при которой неизвестные элементы культурного и традиционного характера оригинального текста адаптируются в тексте перевода: "Adaptation is a method used in those cases where the type of situation being referred to by the source language message is unknown in the target language culture." (Vinay and Darbelnet: 1995: 39)

Vinay и Darbelnet также предлагают такие стратегии перевода, как обобщение (generalisation), уточнение (explicitation), экономия (economy), компенсация (compensation) и расширение (amplification). Эти методы классифицируются как стратегии косвенного перевода.

В процессе перевода, некоторые из вышеупомянутых стратегий применяются значительно чаще чем другие. В связи с этим, мне хотелось бы более детально описать принцип действия некоторых из них, а также привести конкретные примеры использования данных стратегий:

Уточнение (explicitation) представляет собой пояснение или разъяснение смысла оригинального текста в процессе перевода. Авторами данной стратегии в переводе также являются Vinay и Darbelnet. Данная стратегия классифицируется как стратегия косвенного перевода и довольно часто используется при переводе с одного языка на другой. Ниже рассмотрен пример применения данной стратегии перевода:

И распахнул Василий передо мной дверь в мир, который был совсем незнаком – мир жизни на берегах далекой реки Енисей.

Vasilij åpnet døren for meg og slapp meg inn i en verden som var helt ukjent for meg – en verden fylt av liv fra den fjerne Jenisej-elven.

В данном предложении норвежского языка стратегия уточнения или пояснения используется в четырех местах: "Vasilij åpnet døren for meg **og slapp meg inn** i en verden som var helt ukjent **for meg** – en verden **fylt av** liv fra den fjerne Jenisej-elven." Без использования уточнений данное предложение выглядело бы так: "Vasilij åpnet døren for meg i en verden som var helt ukjent – en levende verden fra den fjerne Jenisej." Данный вариант перевода не совсем выражает смысл и стиль оригинального предложения, а также не совсем соответствует традиционному норвежскому языку. Язык оригинального предложения звучит довольно поэтично по причине того, что несколько слов в данном предложении выражают положительную оценку. Так, например, глагол *распахнуть* выражает эмоционально-оценочную окраску, в то время как *открыть* / *åpne* является стилистически нейтральным глаголом. Также предлог *передо* в совокупности с личным местоимением *мной* выражает положительную эмоционально-оценочную окраску, в то время как *для меня* / *for meg* является стилистически нейтральным словосочетанием. И наконец деепричастие *незнаком* является более формальным лексическим элементом, чем прилагательное *незнакомый* /

ukjent, которое является стилистически нейтральным. Уточнения и дополнения в первом варианте перевода добавляют данные положительные оценочно-эмоциональные окрасы предложению перевода, что является стилистически более подходящим эквивалентом оригинального предложения. Следует также отметить, что во второй половине данного предложения, словосочетание *levende verden* не является эквивалентным словосочетанию *мир жизни* – данные словосочетания выражают разные смысловые оттенки. Словосочетание *мир жизни* является составным элементом двух имен существительных, выполняющих функцию составного существительного (compound noun). В норвежском языке прямой эквивалент данного составного существительного отсутствует, поэтому уточнение или пояснение в данном случае совершенно необходимо: *en verden fylt av liv* достаточно хорошо передает смысл словосочетания *мир жизни*.

Транспозиция (transposition) – данная стратегия перевода заключается в том, что переводчик заменяет один грамматический класс на другой без изменения семантического смысла сообщения: ‘replacing one word class with another without changing the meaning of the message’ (Vinay and Darbelnet: 2004: 132). Согласно авторам данного метода перевода, исходное выражение можно назвать базовым выражением, тогда как преобразованная форма называется транспонированным выражением. Несмотря на то, что в процессе транспозиции семантическое значение выражения не изменяется, изменения грамматического класса, например номинализация глагола, ведет к тому, что изменяется грамматическая форма и стилистический окрас предложения. По обыкновению, в результате процесса транспозиции меняется тематическая и информационная структура на уровне предложения, а также на текстовом уровне. Примером метода транспозиции может послужить последняя часть данного сложносочиненного предложения:

Мы сидим возле того места, где когда-то была танцплощадка, на которой кружились с ним в вальсе, и он грустит.

Nå sitter vi i nærheten av stedet der det en gang var et dansegulv der jeg virvlet rundt i vals med ham, men så er han trist.

В процессе перевода предложения *и он грустит* происходит изменение грамматического класса глагола *грустит* на глагол *быть* + прилагательное *грустный* – *men så er han trist / и он грустный*. Следует заметить, что глагол *грустить* является эмоционально-оценочным лексическим элементом в то время как в выражении å *være*

trist данная эмоционально-оценочная функция ложится на прилагательное *trist*. Обычно, глаголы обладают большей экспрессивностью чем прилагательные и предложение перевода *men så er han trist* является более нейтральным, чем *u on grystum*, однако оно соответствует стандартам норвежского языка.

Модуляция (modulation) – стратегия перевода, которая относится к «вариации формы сообщения, полученной изменением точки зрения»: ‘a variation of the form of the message, obtained by a change in the point of view’ (Vinay and Darbelnet: 2004: 133). Обычно данный метод применяется в том случае, когда прагматическая функция предложения или высказывания не соответствует культурным особенностям в языке перевода. Так, например, метод модуляции может использоваться в переводе идиом, метафор и пословиц. Рассмотрим пример модуляции на примере ниже:

Ну, а потом слово-за слово, и выяснилось, что скоро приезжает навестить родственников в мой городок, который недалеко от областного центра, где живу, и если я не против, то хотел бы встретиться.

Vel, etter hvert viste det seg at han snart skulle besøke slektninger i hjembyen min, i nærheten av distriktssenteret hvor jeg bor nå, og hvis jeg ikke hadde noe imot det, ville han gjerne møte meg.

В данном примере при переводе словосочетания *слово-за слово* применяется стратегия модуляции. Данное словосочетание используется в разговорной речи или в неформальных письменных текстах. Оно несет функцию наречия времени и выражает своего рода метафорическое значение отрезка времени, в период которого в процессе беседы происходят незначительные события. Дословный перевод данного словосочетания на норвежский язык будет *ord for ord*, однако данное словосочетание не выражает значение оригинального словосочетания. Эквивалентом *слово-за слово* в норвежском языке может быть наречие времени *etter hvert*, которое так же как и оригинальное выражение, выражает отрезок времени. Однако данное словосочетание не подразумевает беседу в течение данного отрезка времени. Более того, данное выражение является более нейтральным по отношению к формальности и стилю текста, т.е. оно является более формальным, чем оригинальное сочетание, которое используется только в разговорном языке и неформальных текстах. Не смотря на данные различия в значении и формальности, *etter hvert* является наиболее подходящим эквивалентом словосочетания *слово-за слово*, т.к. *etter hvert* соответствует традиционным и культурным особенностям в норвежском языке.

Примером метода модуляции может так же послужить предложение ниже:

Да, вспомнила! Когда-то мы с ним шли этой дорогой вот так... но держась за руки.

Jeg husket plutselig at vi hadde gått denne veien en gang før... men da holdt vi hverandre i hendene.

В данном примере выражение *å holde hverandre i hendene* является традиционным выражением норвежского языка и имеет ту же коннотацию, что и выражение *держаться за руки* в русском языке.

ДОМЕСТИКАЦИЯ И ФОРЕНИЗАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ

Доместикация (domestication) и форенизация (foreignization) – две основные стратегии перевода, которые используются на лексическом, грамматическом и текстовом уровнях. Эти два метода используются при описании культурных и традиционных характеристик. Согласно Венути, автору данных стратегий, их принцип действия заключается в том, что с помощью доместикации переводчик адаптирует незнакомые лексические, текстовые и культурные элементы оригинального текста, незнакомые в языке перевода, для того чтобы восприятие конечного текста было легким и удобным для носителя языка перевода. Таким образом, при процессе доместикации, переводчик приближает оригинальный текст к нормам языка перевода, сглаживая и зачастую устраняя языковые или содержательные особенности оригинала. Принцип форенизации, в свою очередь, состоит в сохранении и воспроизведении особенностей оригинала, как текстового, так и культурного характера, в тексте перевода. Как поясняет Венути: "The domestication is an ethnocentric reduction of the foreign text to target-language cultural values, that brings the author back home, while the foreignization is an ethnodeliant pressure on [target-language cultural] values to register the linguistic and cultural difference of the foreign text, sending the reader abroad." (Venuti: 1995: 20)

Примеры доместикации и форенизации на лексическом уровне могут послужить названия рыб сибирских озер и блюд северных народностей, перечисленные в предложении ниже:

Ведь её столько!.. Мукша, чир, нельма, харица, окунь, вязь, ленок, шука... правда, шуку больше для собак запасаем, ведь во время зимы килограмм двести

на каждую надо. А еще таймень, осетровые, тугун ... мелкая такая рыбёшка, жирная, но до чего ж копчёная хороша! Да и вообще, рыбу по-разному запасают: засаливают, коптят, вялят, сугуду готовят...

Det er så mange forskjellige typer!.. Krøkle, sik, hvit laks, gullbust, abbor, ligatur, lin, gjedde... Men vi fisker gjedde hovedsakelig for hundene fordi hver hund spiser omtrent to hundre kilo fisk i løpet av vinteren. Og ørret, stør, tugun... veldig liten og fet fisk, men som røkt er den veldig deilig! Og uansett, det finnes mange forskjellige måter å tilberede fisk på: salte, røyke, tørke eller lage suguday...

В данном предложении перечислены восемь видов рыб, которые можно найти в сибирских водоемах. Из них шесть видов являются знакомыми в норвежской культуре: чир / sik, нельма / hvit laks, окунь / abbor, вязь / ligatur, ленок / lin, щука / gjedde. Однако такие виды как *мукиша* и *харица* незнакомы для норвежской аудитории. Метод доместикации предлагает найти эквиваленты, которые знакомы аудитории языка перевода. В данном случае я использовала Википедию на норвежском языке и подыскала два вида рыб, которые знакомы в норвежской культуре – *krøkle* и *gullbust*. Данные виды рыб не соответствуют указанным видам в оригинальном тексте, однако использование данных названий в тексте перевода соответствует прагматической функции оригинального текста, т.е. перечисленному количеству видов рыб. Кроме того, данные виды рыб знакомы норвежским читателям и восприятие конечного текста будет легким и удобным для носителей языка перевода.

Примером форенизации, в свою очередь, может послужить название блюда северных народностей *сугудай*. Данное название является малоизвестным даже аудитории оригинального текста, так как далеко не все русскоговорящие знакомы с культурой, традициями и кухней северных народностей. Однако данное блюдо я нашла здесь: <http://choosecuisine.com/no/suguday-whitefish/>

Можно предположить, что норвежская аудитория мало знакома с данным блюдом, и поэтому данное название, *сугудай*, для многих читателей будет звучать чужеземным. Именно в этом и состоит принцип метода форенизации – в сохранении и воспроизведении особенностей оригинала, как текстового, так и культурного характера, в тексте перевода.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ЭКВИВАЛЕНТ В ПЕРЕВОДЕ

Сложностью перевода, в первую очередь, являются слова и словосочетания языка, которые не имеют прямого эквивалента в языке перевода. Так, в данном оригинальном тексте довольно много концептов, которые глубоко укоренены в русской культуре, носители русского языка понимают эти концепты легко, однако данные концепты отсутствуют в языке перевода, и таким образом не имеют эквивалента.

Рассказ Гость с Енисея является своего рода информативным текстом – он включает в себя некоторые описания повседневной жизни рыбаков и охотников, некоторые описания географии, природы и климата Сибири. Эти описания, в свою очередь, включают в себя некоторые культурные и традиционные характеристики, такие как традиционное блюдо северных народностей Сибири, называемое *сузуда*, а также различные названия рыб и птиц. Подобные названия являются лексическими единицами, называемые культурно-специфическими концептами. Как поясняет Бекер, ‘Culture- specific concepts are concepts in the source language, which are totally unknown in the target culture’ (Baker: 2011: 18). Действительно, довольно часто культурно-специфические характеристики не знакомы в языке перевода и не имеют лексического эквивалента. Географические названия также могут быть неизвестны в языке перевода. Бекер ссылается на такие понятия, как неэквивалентность, и поясняет, что ‘Non-equivalence at word level mean that the target text has no direct equivalent for a word which occurs in the source text’ (Baker: 2011: 18). Бекер предлагает, как иметь дело с подобными культурно-специфическими концептами, которые не имеют эквивалента в языке перевода. Решением данной проблемы может быть:

1. Использование вышестоящего термина (superordinate term)
2. Использование более нейтрального / более выразительного слова (more neutral/less expressive word)
3. Перевод с помощью замены данного культурно-специфического концепта на другой или перевод с использованием заемного слова или заемного слова в комбинации с пояснением (translating by cultural substitution or translating using a loan word or a loan word plus an explanation (Baker: 2013: 23, 25, 29, 33).

Хорошим примером эквивалента на лексическом уровне может быть *избушка на курьих ножках*:

- На курьих ножках? – усмехнулась.
- Nytter som står på kyllingbein? – smilte jeg.

Избушка на курьих ножках является культурно-специфическим концептом. Данный образ существует в русской культуре со времен славянской мифологии.

Мифологическое понятие избушки на курьих ножках представляет собой переходный пункт из земного мира в потусторонний мир, поворачиваясь на "курьих ножках" и открывая дверь попеременно в эти два мира, и таким образом является своего рода сторожевой башней в царство смерти. В норвежской культуре отсутствует данная коннотация этого выражения. Взяв во внимание определение лексических значений слова, которое предлагает Бекер, можно сказать, что *hytta / huset på kyllingbein* является эквивалентом избушке на курьих ножках в смысловом значении (propositional meaning) и в предполагаемом значении (presupposed meaning), но данное выражение не совсем соответствует в выразительном значении (expressive meaning) и в вызванном значении (evoked meaning), поскольку ассоциации и отношение русской и норвежской аудиторий будут отличаться. Несмотря на некоторые различия в значении данных концептов, *hytta / huset på kyllingbein* играет роль более нейтрального концепта, и поэтому может быть применено в переводе.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ И ТЕКСТОВОЙ ЭКВИВАЛЕНТ В ПЕРЕВОДЕ

Одна из сложностей перевода с русского на норвежский язык – это различия между синтаксическими структурами русского и норвежского языков – каждый из этих языков имеет уникальную грамматическую структуру. Структура языка напрямую связана с уровнем точности и простоты перевода. Чем проще язык, тем проще перевести этот язык на другой. Несоответствие или отсутствие определенного грамматического эквивалента в языке перевода может повлиять на стиль конечного текста в целом.

Грамматика русского языка довольно сложна из-за системы склонений, то есть грамматической модификации имен существительных в зависимости от падежа, числа и рода. Не смотря на то, что склонение – это свойство имен существительных, оно переходит к связанным с существительным прилагательным и глаголам. В то время, как в русском языке грамматические структуры и синтаксические значения могут синтезироваться в одном слове и отношения между словами в предложении передаются с помощью суффиксов и окончаний, во многих других языках, таких как норвежский, эти значения выражаются более сложными конструкциями с использованием

нескольких слов. Примером таковой грамматической категории может являться деепричастие (*gerund*). Данная грамматическая категория выражается одним словом, соединяя в себе признаки глагола и наречия в то время как в предложении она выполняет синтаксическую роль обстоятельства. Данная грамматическая категория также обозначает настоящее или прошедшее времена.

На примере деепричастия можно сказать, что сложность при отсутствии грамматического эквивалента состоит в том, что вместо грамматического звена, выраженного одним словом, в переводе употребляется грамматическое звено, выраженное придаточным предложением в языках, не имеющих деепричастия:

Он, мой бывший поклонник и журналист районной газеты, который в те, юные годы, сделал мне предложение и получив отказ, сразу уехал на Дальний Восток.

Han var min ex-beundrer og journalist i en regional avis, han som i mine unge år fridde til meg og etter at jeg avsto, da reiste han med en gang til Russlands fjerne Østen.

В данном примере, одно придаточное предложение "который в те, юные годы, сделал мне предложение и получив отказ" включает два деепричастия совершенного вида *сделав* и *получив*, выражающие переходное прошедшее время. Данное придаточное предложение имеет более комплексный эквивалент в переводе в виде двух придаточных предложений "*han som i mine unge år fridde til meg og etter at jeg avsto*".

Еще один пример эквивалента на грамматическом уровне может быть предложением:

И начинает вспоминать те далекие дни, когда этот парк назывался Городским садом, когда каждый вечер здесь играл духовой оркестр, когда вон на том месте был не работающий фонтан в виде круглой чаши, на краях которой сидели маленькие львята и смотрели на предполагаемые струи воды...

Og han begynner å mimre om dagene for lenge siden da parken ble kalt for Byens hage, der det hver eneste kveld spilte et hornorkester, da det på stedet stod en fontene som ikke virket, den hadde en form som en rund bolle og på kantene av den stod det små løveunger og så på det som skulle ha vært vannstråler...

В данном примере придаточное предложение *и смотрели на предполагаемые струи воды* включает деепричастие *предполагаемые*. Перевод данного придаточного предложения *og så på det som skulle ha vært vannstråler* является своего рода

грамматическим уточнением (explicitation), так как дословный перевод словосочетания *предполагаемые струи воды – antatte vannstråler*, не соответствует стандартам норвежского языка.

Также словосочетание из примера указанного выше *в те далекие дни* является своего рода примером стратегии перевода, называемой транспозицией (transposition). Данная стратегия предполагает изменение грамматического класса в тексте перевода. В оригинальном предложении, составляющие данного словосочетания являются предлог (в) + указательное местоимение (те) + прилагательное (далекие) + имя существительное (дни). Дословный перевод данного словосочетания на норвежский язык будет выглядеть примерно так: *i de fjerne dagene*. Однако данное словосочетание не соответствует стандартам норвежского языка и поэтому в данном контексте словосочетание *for lenge siden*, в предложении выполняющее синтаксическую функцию наречия времени, является более подходящим эквивалентом оригинального словосочетания.

Сложностью в переводе может также быть структура предложения оригинального текста и поток информации, в частности последовательность темы и ремы:

- А ведь по этой дорожке когда-то мы с тобой...
- Jeg gikk jo denne veien sammen med deg en gang...

В предложении выше, автор оригинального текста использовал выраженную тему (marked theme), выраженную комбинацией субъективно-модальной частицы *ведь* + словосочетание *по этой дорожке*, которое выполняет функцию наречия места + наречие времени *когда-то*. Фоновые фразы в тексте, которые имеют отношение к времени, месту или манере, называются обстоятельствами. Они часто выражаются наречиями и являются грамматическим элементом в предложении. Как было замечено выше, на текстовом уровне данное словосочетание является темой предложения. Данное предложение представляет потенциальную проблему для переводчика на текстовом уровне эквивалента из-за комплексной темы. “Theme is the point of departure of the message or that which locates and orients the clause within its context” (Halliday and Matthiassen, 2004: 64). Уровень тематизации текста отличается от уровня слов, поскольку тематизация не связана с тем, как выражаются отдельные слова, она связана со структурированием самого предложения – порядком слов в предложении. Поэтому выбор темы на текстовом уровне напрямую влияет на грамматическую структуру

предложения. Предложения в тексте, обычно, начинаются с элемента уже указанного в предыдущем предложении или контекстной информации, за которым следует элемент новой информации, называемой Ремой. «These two parts of the sentence – given versus new information – are called respectively theme and rheme. While the theme of a clause is the first constituent of the clause, the rheme is all the rest of the clause» (Thompson: 2004: 142-143). Таким образом, Тема делает некоторый мост между уже известной и новой информацией, и с этим помогает сохранить ощущение непрерывности потока информации. В целом Тема имеет две основные текстовые функции: она вносит вклад в основной смысл текстового сообщения и способствует согласованности текста. Когда тема передвигается на место ремы, нарушается информационный поток текста, что, в свою очередь, влияет на текстовый смысл сообщения.

Как утверждает Томпсон (Thompson), “there are three of the main ways in which textual meanings are contributed to the text: repetition, conjunction and thematization” (Thompson: 2004: 141). Другими словами, в предложении Тема способствует созданию смысла сообщения. Если мы поменяем местами Тему и Рему, или какие-либо элементы из них, то мы поменяем смысл всего сообщения. Изменение местоположения темы в предложении также повлияет на последовательность и связность всего текста.

Тематический выбор в тексте должен соответствовать грамматическим принципам языка, то есть следовать принципу порядка слов в предложении. Как мы видим из данного примера, в русском языке подобные комбинации наречий могут использоваться в начале предложения, однако в норвежском языке наречия могут быть первыми или последними элементами в предложении. Следует также обратить внимание, что перед глаголом в норвежском языке может быть только одно обстоятельство / наречие, так как глагол всегда занимает второе место в предложении. Данную проблему в переводе описывает Graedler. Несмотря на то, что она сравнивает грамматические структуры норвежского и английского языков, данное описание также имеет непосредственное отношение к русской-норвежским переводам: «Some clauses start with another grammatical element such as time or place adverbial, objects, complements, verbs or themes of the cleft constructions that are moved to the front as the marked Theme. In this case in Norwegian, since it is V2 language, the verb takes the second position in the sentence [...]» (Graedler: 2005: 93). Следовательно, если в предложении норвежского языка употребляется наречие места и наречие времени одновременно, то они будут

занимать место в конце предложения. Наречие места обычно занимает позицию перед наречием времени, как например, в нижестоящих предложениях:

Nå har vi kommet hjem. [Сейчас мы пришли домой.]

Vi møtes i morgen kveld på flyplassen. [Мы встретимся завтра в аэропорту.]

Таким образом, некоторые принципы порядка слов в предложении являются языковыми. Бекер также указывает, что порядок слов в предложениях норвежского и английского языков относительно фиксирован и что '[...] in languages with relatively fixed word order there will be greater instances of tension between syntax and communicative function.' (Baker: 2005: 175). Данное замечание позволяет предполагать, что перевод на язык с фиксированными грамматическими структурами предложения представляет особую сложность в передаче семантического и прагматического смыслов.

Вернемся к нашему примеру перевода. Как было замечено выше, мы не можем использовать данную тему предложения оригинального текста как тему в тексте перевода, поскольку использование трех грамматических элементов перед глаголом в начале предложения не соответствует грамматическим принципам построения норвежского предложения. Рассмотрим данное предложение оригинального текста еще раз: если принять во внимание функцию темы – текстового перехода от уже известной информации к новой, несказанной информации, то в данном тексте данная тема не является уже сказанной информацией. Это показывает данное предложение с двумя предыдущими предложениями оригинального текста:

– Василь, а как ты?.. Женился ли, есть ли дети?

Но он ответил не сразу:

– А ведь по этой дорожке когда-то мы с тобой...

По всей вероятности, автор оригинального текста выбрал данную тему для того, чтобы сделать ударение на удивлении говорящего относительно наречия места и случившегося события, а также для того чтобы в лучшей степени показать высокий эмоциональный уровень говорящего. Следовательно, целью перевода данного предложения является не только перенос его прагматического смысла, но и выражение семантического значения удивления в предложение перевода. В данном предложении словосочетание *А ведь* выражает сильное эмоциональное удивление, усиливает высказывание, в особенности наречие места (по этой дорожке). При переводе данного предложения на норвежский язык таким образом:

"Jo, det er den samme veien hvor en gang du og jeg..."

Здесь наречие *Jo* теряет окраску эмоционального удивления, а вместо этого функционирует как соединительное звено с предыдущим предложением и играет роль согласия с собеседником, чего нет в оригинальном тексте. Кроме того, в данной конструкции на норвежском языке выглядит как набор слов, но не как предложение. Предложение "Jeg gikk jo denne veien sammen med deg en gang..." более подходит как эквивалент перевода в данном контексте, поскольку данное предложение соответствует грамматическим конструкциям норвежского языка. Оно также передает смысл предложения оригинального текста. Кроме того, наречие *Jo* в данном контексте передает эмоциональное удивление говорящего.

Рассмотрим еще один пример, где выраженная тема (marked theme) представляет сложность перевода оригинального предложения на норвежский язык:

На эти вывы потом садятся утки, гоголи, кряквы, чернецы, которых...

På disse innsjøene setter det seg deretter ender, kvinender, stokkender og stjertender som...

В данном примере мы видим похожий порядок грамматических элементов в предложении на порядок грамматических элементов в предыдущем примере. В данном примере словосочетание *На эти вывы* выполняет функцию наречия места, в то время как наречие *потом* выполняет функцию наречия времени. Данная комбинация наречий является темой предложения. Если проанализировать данное предложение с предыдущим предложением

Ну, с небольших озёр, остающихся после половодья, и гонят потому, что если лебеди сели, то гуси уже не опустятся. На эти вывы потом садятся утки, гоголи, кряквы, чернецы, которых...

то мы видим, что данная тема проявляет свою действительную функцию, т.е. играет роль перехода от уже сказанной информации к новой. Поскольку "небольшие озера" и "вывы" являются своего рода синонимами, то под этими названиями говорящий подразумевает одно и то же лексическое значение. Синонимы являются одним из важных элементов, играющих важную роль в сплоченности текста. В данном случае изменение местоположения темы в языке перевода влияет на текстовый поток информации. Научиться распознавать и выделять тему и рему необходимо для логически правильного построения текста, т.к. критериями текста являются его структурированность, связность, логичность, а так же цельность. Данные критерии, в частности, обеспечивают согласованность тематического потока информации текста.

Данные примеры, указанные выше, показывают, что отсутствие грамматического эквивалента и его замены на другую грамматическую конструкцию в языке перевода может привести к изменению стиля предложения, что, в конечном итоге, влияет на стиль всего литературного произведения.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРЕВОДА ГОСТЬ С ЕНИСЕЯ

Гость с Енисея имеет литературный жанр рассказа. Однако косвенная цель данного рассказа является информационная передача о повседневной жизни рыбаков и охотников, а также некоторых традиционных укладов в их среде. Если взять во внимание определение и описание особенностей открытых и скрытых переводов, которые нам предлагает House, то данный рассказ является примером скрытого перевода, поскольку в данном переводе на первое место ставится передача функции данного рассказа, передача его прагматического значения.

Я выбрала рассказ Гость с Енисея не случайно – он описывает встречу двух друзей, которые в прошлом были близки и имели романтические отношения. Вследствие их прошлых близких отношений, их разговор в данном литературном произведении построен на детальном рассказе о своей последующей личной жизни. Таким образом, рассказ Гость с Енисея является своего рода расширенным образцом реальной беседы. Он демонстрирует, что разговор систематически структурирован, а также показывает ориентацию участников разговора на эти структуры тем, как они разворачивают свою беседу, ждут своей очереди и реагируют на высказывания собеседника. При помощи перевода этого рассказа мне хотелось бы выяснить, в чем состоят сложности при переводе разговорной речи.

Несмотря на то, что некоторые формы письменного языка ближе к разговорной речи, чем другие, письменный и устный язык имеют множество различий. Ниже приводятся некоторые различия между этими двумя формами языка:

> В то время как разговорный язык обычно носит временный характер и участвующие в разговоре могут исправлять себя и изменять свои высказывания по мере их продвижения, письменный язык является постоянным, и письменные тексты обычно не могут быть изменены после того, как они написаны или напечатаны.

➤ За исключением мгновенной связи, писатель текста не имеет немедленной обратной связи со своим читателем. Поэтому у написавшего текст есть необходимость разъяснять вещи четко и недвусмысленно, в то время как разговорная речь является динамичным обменом информацией, где контекст и уже известная информация играют важную роль и дают возможность оставлять много недосказанного или косвенно подразумеваемого.

➤ Некоторые грамматические конструкции и лексические обороты используются только в письменной форме, как например, использование деепричастий или некоторые сложные термины в то время как частицы используются главным образом в разговорной речи.

➤ Письменный язык имеет тенденцию быть более сложным, чем разговорная речь, с более длинными предложениями и множеством придаточных предложений. Пунктуация в письменных текстах также не имеет эквивалента в устной речи. Однако некоторые формы письменного языка, такие как мгновенные сообщения и электронная почта, ближе к разговорному языку чем формальные тексты. Устная же речь обычно наполнена повторениями, неполными предложениями, исправлениями и перерывами, за исключением официальных речей и других записанных форм речи, таких как программы новостей и сценарии для фильмов и пьес.

Из перечисленных выше различий между разговорным и письменным языками, особенностью данного рассказа является динамичный обмен информацией, с недосказанной или косвенно подразумеваемой информацией. Сложностью при переводе в данном случае является передача прагматического смысла текущей информации. За некоторыми словами и выражениями рассказа стоят традиционные или культурные концепции и значения. Так, например, в русском языке довольно часто выражение "Ты давай, рассказывай, Василёк" имеет саркастическую или ироническую нотку, которая обычно в разговорной речи показывается интонацией. Это выражение двусмысленно и двусмысленность – это частая потеря при переводе по причине традиционных и культурных различий в языках оригинала и перевода. Довольно сложной задачей в данном случае является подбор подходящего по смыслу эквивалента на лексическом уровне, ведь перевод слово-в-слово на норвежском языке "Kom igjen, fortell meg mer, Vasilek" не имеет такого же прагматического смысла как "Ты давай, рассказывай, Василёк", в частности, данное выражение на норвежском языке не имеет

похожую нотку сарказма или иронии оригинального выражения. Таким образом, передача прагматического смысла данного произведения представила особую сложность в данном переводе. Помимо этого, данный текст содержит множество сложноподчиненных предложений, содержащих несколько придаточных предложений, зачастую с выраженной темой, смысл которых было сложно передать на норвежский язык.

ДРУГИЕ СЛОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА ГОСТЬ С ЕНИСЕЯ

Заключительная часть данного рассказа включает в себя письмо Василия своей собеседнице. Как замечено выше, письменный язык имеет тенденцию быть более сложным, чем разговорная речь, с более длинными предложениями и множеством придаточных предложений. Данный письменный текст письма, в частности, отличается длинными сложными конструкциями предложений и сложным прагматическим смыслом. Так, в начале своего письма автор использует катафору (cataphoric reference) **ЭТО**, более точное представление о котором мы получаем по мере дальнейшего чтения данного текста:

"Но одно могу сказать твердо: видно ЭТО было во мне сильней. Почти вижу твою полуулыбку: «А что за ЭТО?» И поэтому отвечаю... заранее прося прощения за литературщину (видать журналист во мне еще жив!)"

" Men en ting kan jeg si sikkert, nemlig at ”Dette” var sterkere i meg. Jeg kan nesten se ditt spørrende smil: ”Hva mener du med ”Dette”? Og derfor svarer jeg... på forhånd ber jeg deg om unnskyldningen for det altfor litterære språket mitt (se, journalisten lever fremdeles i meg!)."

В процессе дальнейшего развития описания в тексте, катафора **ЭТО** переходит в анафору (anaphoric reference), к которой автор письма возвращается в самом конце рассказа:

"Не знаю, сказал ли тебе этими строками что-то новое, возразишь или промолчишь, но поверь, мне надо было исторгнуть ЭТО из себя именно тебе, тебе!"

" Jeg vet ikke om at jeg har sagt noe nytt til deg med disse linjene, om du har noen innvendinger til dette eller om du forblir taus, men tro meg, jeg måtte få det ut av meg ved hjelp av akkurat deg, bare deg!"

Уловить действительный смысл данной катафоры, переходящей в анафору, достаточно сложно даже в оригинальном тексте, поскольку объяснения автора письма размыты и неоднозначны. В совокупности с комплексными грамматическими конструкциями предложений и вложенной в текст сложной прагматической функции философского характера, перевод данного отрывка текста представляет особенную сложность. Донесение прагматической функции данного отрывка в переводе представляет особую трудность.

Когда речь идет о тексте подобного характера, лингвисты, изучающие перевод, как например Baker и Boase-Beier, советуют точно понять, какой смысл пытается передать автор текста и затем попытаться передать смысл данного контекста например, с помощью ассоциаций, существующих в культуре языка перевода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЧАСТИ 2

Из приведенных выше примеров мы видим, что порядок слов в предложении и напряжение между тематическими, грамматическими и другими принципами, могут вызвать некоторые трудности с переводом. Несмотря на то, что в переводе должно быть полное соответствие между содержанием текста исходного языка и текстом перевода, с минимальными добавлениями или элиминированием информации и смысла и переведенный текст должен как можно лучше соответствовать грамматическому построению и уровню стиля оригинального текста, в некоторых случаях это совершенно невозможно из-за отсутствия подходящего эквивалента на лексическом, грамматическом или текстовом уровне. В этих случаях доместикация, форенизация, адаптация, а также использование других предлагаемых в переводе стратегий является полной необходимостью, ведь конечная цель переводчика состоит в обеспечении согласованного тематического потока информации. Как замечает Newmark, "Translation is more a process of explanation, interpretation and reformulation of ideas than a transformation of words. (Newmark, 1988: 72)

ЧАСТЬ 3

ЧАСТИЦЫ В ПЕРЕВОДЕ

В русском языке много дискурсивных частиц, которые в большинстве случаев используются в устной и литературной разговорной речи. В норвежском языке также используется много дискурсивных частиц, однако частицы одного языка не всегда соответствуют с частицами другого языка и, соответственно, при переводе разговорных и литературных текстов не всегда находится подходящая по смыслу дискурсивная частица в языке перевода. Другими словами, во многих случаях частицы в русском языке не имеют прямого эквивалента в ом языке. Возможно, некоторые дискурсивные частицы в русском языке имеют больший семантический вес, чем дискурсивные частицы в норвежском языке, и поэтому нулевая эквивалентность может влиять как на семантическое, так и на прагматическое значение перевода высказываний в диалогах и других неформальных типах текстов, которые содержат дискурсивные частицы. Это может влиять как на семантическое качество высказываний по отношению к модальности, если данная частица модальная, так и на стиль целевого текста перевода.

В норвежском языке дискурсивные частицы имеют название *diskurs partikler*. Как следует из этого названия, частицы функционируют в основном на уровне дискурса, а не на уровне предложения или высказывания. Поскольку функция частиц находится на уровне дискурса, они относятся прежде всего не к структуре языка, а к его реальному использованию. Таким образом, частицы не могут изучаться в отсутствии контекста. В отличие от синтаксических или морфологических категорий, они относятся к функциональной категории лингвистики. Несмотря на то, что синтаксически частицы являются относительно независимыми и обычно не изменяют истинного условного значения предложения, субъективно модальные частицы русского и норвежского языков дополняют модальность предложению или высказыванию и поэтому они не могут игнорироваться при переводе.

Теоретически, частицы представляют особый интерес в изучении переводов.

Многие переводчики придерживаются теоретической основы Чомского, где он призывает к строгому разграничению лингвистической компетенции 'linguistic competence' и лингвистического исполнения 'linguistic performance' (Chomsky 1965: 4).

В этом свете частицы могут быть рассмотрены как псевдо языковые единицы или возможно даже ошибки писателя, которые можно смело игнорировать как по существу

случайные. Более того, при переводе текстов частицы дискурса создают проблему из-за их очевидной многофункциональности. Это особенно характерно для частиц русского языка, таких как, например, *ведь* или *вот*, которые не имеют абсолютно прозрачного смысла, и поэтому во многих случаях также игнорируются в переводах. Несмотря на то, что избыточное употребление частиц ведет к засорению речи и потере смысловой точности, использование дискурсивных частиц является частью современного русского языка, что является достаточно веской причиной для их изучения.

Еще одним веским аргументом в пользу изучения частиц является тот факт, что при переводе частицы представляют собой целые языковые системы – они не имеют один и только один эквивалент в других языках. Это также подчеркивает Николаева:

"Следующий признанный тезис, относящийся к частицам, – это тезис об их принципиальной непереводаемости. Употребление частиц нужно не усвоить, а освоить. Кроме того, очевидно, что для ряда типологически различных языков необходим перевод, кардинально отличный по структуре." (Николаева: 1985:10). Также в своей работе *Subjektiv-modale partikler i russisk*, Атле Грэнн замечает, что частицы часто переводятся с помощью других выразительных средств языка: "Russisk er et langt mer partikkelrikt språk enn norsk, noe som fører til at russiske partikler ofte må gjengis ved hjelp av helt andre språklige virkemidler, som for eksempel ordstilling og intonasjon." (Grønn, 1999: 9). Хотелось бы добавить, что довольно часто при переводе с русского на норвежский и английский языки, модальные частицы имеют другой синтаксический эквивалент, как например модальные наречия или модальные глаголы. Таким образом, перевод текста, содержащего модальные частицы, может быть процессом более сложным и комплексным из-за сложности нахождения подходящего эквивалента для передачи семантических значений и эмоциональных окрасов, которые модальные частицы вносят в контекст.

ЧАСТИЦЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ КАТЕГОРИИ

В соответствии со статьей Т.М. Николаевой, частицы в русском языке имеют значение:

- Частицы - это служебные слова, которые не имея своего вполне самостоятельного лексического значения, придают различные дополнительные оттенки словам и предложениям или служат для образования форм слов.

- Частицы, как и другие служебные части речи, не изменяются. Как было замечено выше, они не имеют самостоятельного лексического значения и следовательно не являются членами предложения. Однако, как замечает Николаева, "Для многих частиц характерно свойство быть указателем на существование некоторого отрезка, расположенного вправо или влево от основного высказывания. Без этого дополнительного фрагмента основное высказывание является содержательно неполным. При этом под самим контекстом могут подниматься фрагменты разной протяженности." (Николаева: 1985:101).
- Основная сфера использования частиц – это разговорная речь и относительно неформальные письменные тексты, такие как художественная литература и публицистика с элементами разговорной речи.
- Основная функция частиц – это внесение дополнительных оттенков в значения других слов, высказываний или предложений. Частицы имеют довольно широкий спектр функций в уточнении, выделении, и усилении отдельных слов или выражений, которые необходимы для более точного выражения содержания. Использование частиц в речи также придает высказываниям большую выразительность и эмоциональность.
- По своему строению и функциям частицы сближаются с наречиями, союзами и междометиями, однако от предлогов и союзов частицы отличаются тем, что они не выражают грамматических отношений между словами и предложениями, т.е. частицы не являются связующим звеном в предложении каким являются союзы или предлоги. В данной работе не ставится задача определить грамматическое значение частиц. Кроме того, как подчеркивает в своей статье Т.М. Николаева, "Даже в современном языке мы не можем четко отличить союз от частицы..." (Николаева: 1985:4)

По значению и выполняемой функции в предложении частицы делятся на три основных категории:

1. Формообразующие частицы
2. Отрицательные частицы
3. Смысловые (модальные) частицы

1. Формообразующие частицы служат для образования некоторых грамматических форм различных частей речи в предложении. Этими частями речи могут быть глаголы, наречия, прилагательные, местоимения и имена состояния

i. Частицы, которые служат для образования формы повелительного наклонения глагола: пусть, пускай, да, давай, давайте:

- Пусть подождет!
- Давай прокатимся!

ii. Частицы, которые служат для образования согласительного (условного) наклонения глагола: бы, б. В предложении обе частицы могут занимать положение перед глаголом к которому они относятся или после глагола, а также могут быть отделены от глагола другими словами:

- Пришла бы.
- Я б в рабочие пошел, пусть меня научат!

При морфологическом разборе глагола формообразующие частицы [пусть, пускай, да, давай, давайте, бы и б] являются компонентом глагольной формы и входят в состав того же члена предложения, что и глагол.

iii. Частицы, которые служат для образования степеней сравнения прилагательных, наречий и имен состояния: более, менее, самый:

- Самый поздний вечер
- Более интересный рассказ
- Менее занимательный фильм

Значение сравнительной степени прилагательных также может усиливаться частицами все и еще: все сумрачнее; ещё смешнее. При образовании сравнительных форм частицы сближаются с морфемами. Например, в сравнительной форме прилагательного сильнее, степень сравнения образована с помощью суффикса -ее, в то время как более сильный степень сравнения образована с помощью частицы.

2. Отрицательные частицы служат средством выражения отрицания: [не, нет, ни, вовсе не, далеко не, отнюдь не].

- Я не умею вышивать.
- Он отнюдь не плохой парень.

В языке наиболее часто встречаются частицы [не] и [ни]. Отрицательная частица [не] играет основную роль при выражении отрицания. Она выражает следующие значения:

- i. Отрицательное значение всему предложению:
 - Не случилось еще такого!
- ii. Отрицательное значение отдельному члену предложения:
 - Мой котенок не рыжий, а черный.
- iii. Через двойное отрицание с частицей [не] выражается положительное значение высказывания:
 - Я не могла не помочь = Я должна была помочь.

Отрицательная частица [не] входит в состав сказуемого в большинстве случаев:

- Я не опоздала на этот поезд. ([не опоздала] является сказуемым)

Отрицательная частица [ни] выражает следующие значения:

- i. Отрицательное значение в предложении без подлежащего:
 - Ни с места!
- ii. Усиление отрицания в предложениях с частицами [не] или [нет], которые выражают основное отрицание:
 - На небе не видно ни звездочки.

Иногда частица [ни] употребляется без частиц [не] или [ни]:

- На небе ни звездочки.

- iii. Отрицательная частица [ни] используется также в придаточном предложении для усиления и обобщения любого утверждения, сделанного в главном предложении:
 - Что ни (= всё) попросила бы, все у нее было.

- iv. При повторе частица [ни] приобретает значение соединительного союза:
 - Ни снег, ни ветер, и ни дождик проливной не могли их остановить.

К отрицательным частицам также относится слово [нет]. Оно употребляется при отрицательном ответе на высказанный или невысказанный вопрос. Для усиления отрицания слово [нет] повторяется или частица [не] употребляется перед отрицательным сказуемым:

– Ты пойдешь со мной на концерт? – Нет, у меня нет времени / Нет, мне это не интересно.

По своей роли в предложении отрицательной частице [нет] соответствует утвердительная частица [да]:

– Тебе хотелось бы прогуляться? – Да...

В русском языке необходимо различать приставку, частицу и союз [не] и [ни].

Приставка всегда пишется слитно с употребляемым словом:

– нечто, никто, некогда

Частицы и союзы не и ни пишутся раздельно с употребляемым словом:

– На улице нет ни души. ([ни] частица которая усиливает отрицание).

В этом предложении [ни] является соединительным союзом:

– Ни в работе, ни в семейной жизни, она не была успешна.

3. Смысловые и модальные частицы выражают дополнительные смысловые оттенки, чувства и отношение говорящего к высказыванию. Они уточняют, акцентируют и усиливают отдельные слова или выражения. Модальные частицы, в свою очередь, делятся на несколько подкатегорий:

i. Указательные частицы выделяют тот предмет, на который нужно обратить внимание: вот, вон, это;

– Вот мой родной город.

– Вон дом моей бабушки.

– Абакан - это столица Хакасии.

ii. Уточняющие частицы служат для уточнения слов и выражений и для выделения наиболее важной информации: именно, как раз, просто, ровно, точно. Частица "чуть не" также относится к уточняющим сложным частицам, так как это совокупность двух производных частиц. В предложении они чаще всего связаны с глаголом, т.е. определяют глагол.

- Мне хочется купить именно эту машину!
- Это точно он!
- Тебя мне как раз и нужно!
- Я не больна, лишь / только устала немного.

iii. Вопросительные частицы используются для оформления вопроса: ли, неужели, разве, что, что ли. [Разве] и [неужели] часто выступают как синонимы, но они могут иметь и отличающиеся друг от друга значения. Так предложение или высказывание где употребляется [разве] выражает сомнение. Предложение с использованием [неужели] выражает удивление и сомнение:

- Правда ли это?
- Разве ты не счастлива?
- Неужели она тебя обманула?

iv. Восклицательные частицы передают восхищение, удивление, негодование, а также передают чувство и отношение говорящего к происходящему: ну и, что за, как:

- Что за прекрасная погода!
- Как красиво!
- Ну и делишки!

Частица [как] имеет два омонима [как] – это союз [как] и местоимение [как]. В то время, как частица [как] обычно употребляется в восклицательных предложениях (Как прекрасно!), местоимение-наречие [как] употребляется в вопросительных предложениях где оно является членом предложения:

- Как ты себя чувствуешь?

Союз [как] употребляется в сложноподчиненных предложениях и так же является членом предложения:

- Я подскажу тебе, как тебе поступить.

v. Усилительные частицы усиливают или подчёркивают определённое слово или словосочетание в предложении: даже, ведь, уж, прямо, просто, всё-таки, же, ни, ну, только и другие:

- Даже она приглашена на бал!
- Ведь он очень хороший человек!

Некоторые частицы этого разряда могут выполнять роль союзов:

– Солнце стало светить ярче, луна же скрылась за горизонтом.

Здесь частица [же] выделяет слово луна и связывает первое и второе предложения.

vi. Утвердительные частицы выражают или подчеркивают утверждение: да, ага, ещё бы, точно:

– Конечно хочется побывать в Париже, еще бы!

– Да, вы дерзкая женщина!

vii. Ограничительные частицы придают слову или словосочетанию ограничительный оттенок, выделяя логически слово или словосочетание:

только, лишь, всё, всего, хотя бы, хоть бы.

– Только мне веришь.

– Поезд будет всего через час.

Некоторые частицы этого разряда могут выполнять роль союзов:

– Солнце стало светить ярче, луна же скрылась за горизонтом.

Здесь частица [же] выделяет слово луна и связывает первое и второе предложения, т.е. выполняет роль союза.

– Эрик посещал концерты лишь известных исполнителей.

[Лишь] исполняет функцию усилительной частицы в предложении и является частью определения [лишь концерты известных исполнителей].

viii. В модальную категорию частиц также входят частицы которые выражают сомнение, такие как: вряд ли, едва ли:

– Едва ли он придёт на это собрание.

– Вряд ли она согласится на это.

ix. Частица [-ка] также является модальной частицей и выражает смягчение требований. Она используется в сочетании с глаголами повелительного наклонения и смягчает значение глагола:

– Скажи мне! <> Скажи-ка мне...

Как замечает Т. Николаева, в разных пособиях состав и разряды частиц могут варьироваться. Так, например, в состав частиц могут включаться префиксы и

постфиксы неопределённых местоимений, таких как [кто-то, как-нибудь, кое-где] и так далее. Частицами не являются постфиксы [-ся, -сь -то, -либо, -нибудь] и приставки [не, ни] которые находятся в составе отрицательных и неопределённых местоимений и наречий, причастий и прилагательных независимо от слитного или раздельного написания. Следует также различать частицу [-то] и постфикс [-то]. Так в словах какой-то и куда-то [-то] является постфиксом, в то время как в предложении «Она-то может!» [-то] является частицей.

Некоторые лингвисты, как например Бабайцева, Глазунова и Светлышева предлагают другой подход к частицам [то, -либо, -нибудь, кое-] где они относят эти частицы к словообразовательным частицам которые образуют местоимения и наречия. Так при помощи этих частиц и местоимения [кто] образуются местоимения [кто-то, кое-кто, кто-нибудь, кто-либо] и с помощью словообразовательных частиц и наречием [какой] образуются наречия [какой-то, какой-нибудь] и т.д. При словообразовании эти частицы выполняют функцию постфикса.

К словообразовательным частицам эти авторы относят также и отрицательные частицы [не, ни] Так при помощи отрицательных частиц и местоимением [кто] образуются местоимения [никто, некто] и при помощи отрицательных частиц и наречия [когда] образуются наречия [никогда, некогда] и т.д. При словообразовании негативные частицы выполняют функцию приставки.

С помощью отрицательной частицы [не] также образуются слова с противоположным значением: друг \diamond недруг, счастье \diamond несчастье, погода \diamond непогода. Некоторые слова без приставки [не] уже не существуют: нельзя, неряха, ненастье, невежа и др.

СРАВНЕНИЕ ЧАСТИЦ С ДРУГИМИ ЧАСТЯМИ РЕЧИ

По своему строению и функциям в предложении частицы сближаются с союзами, наречиями и междометиями. Частицы отличаются от этих частей речи тем, что они не имеют лексических значений. Отсутствие их лексического значения является причиной того, что частицы могут входить в состав членов предложения, но они не являются членами предложения. От предлогов и союзов частицы отличаются также тем, что они не выражают грамматических отношений между словами и предложениями и не

являются связующим звеном в предложении. При синтаксическом разборе предложения частицы выделяются вместе с тем словом или словосочетанием к которому они относятся или не выделяется вообще.

По своему происхождению частицы связаны такими частями речи как:

- С глаголами связаны частицы [пусть, пускай, давай, дай, было, бы, ведь, вишь] и другие.
- С наречиями связаны частицы [лишь, просто, только, едва, уж, прямо, ещё, уже] и другие.
- С союзами связаны частицы [а, да, и, же, даже] и другие.
- С местоимениями связаны частицы [всё, всё-таки, как, оно, что за, то, это, себе] и другие.
- С междометиями связаны частицы [вон, ну] и другие.

Такие частицы как [вот, ли, -ка] не связаны по происхождению с другими частями речи.

ДИСКУРС, СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

Дискурс – это распространенный термин, используемый в отношении любой коммуникативной функции выражения, длинной или короткой, разговорной или письменной. Коммуникативной целью дискурса является передача смысла. Когда мы сосредотачиваемся на таких вещах, как цель, смысл и эффект фрагмента дискурса, независимо от того, является ли он лексическим или грамматическим выбором, мы рассматриваем дискурсивную функцию, прагматическую функцию или коммуникативную функцию – коммуникативную цель написанной или сказанной информации.

В дискурсе обычно каждое слово имеет смысл. Этот смысл называется семантическим значением слова. Под семантическим значением подразумевается фиксированный контекстно-свободный смысл – "the fixed context-free meaning" (Cook: 2009: 29).

Прагматика же, в свою очередь, тесно связана с аналитической философией: "The key insight is that language can be seen as a form of action: that spoken or written utterances

constitute the performance of speech acts such as promising or asking or asserting or warning; or, on a different plane, referring to people or things, presupposing the existence of people or things or the truth of propositions, and implicating meanings which are not overtly expressed." (Fairclough: 2001:7). Таким образом, прагматика рассматривает способы, в которых контекст предложения или текста способствует его значению. Прагматика включает в себя теорию речевого акта, разговорную импликацию, разговор во взаимодействии и другие подходы к языковому поведению в философии, социологии, лингвистике и антропологии.

Прагматика также рассматривает социально-психологические факторы, влияющие на общение. В отличие от семантики, которая исследует значение, являющееся условным или «закодированным» в данном языке, прагматика изучает, как передача значения зависит не только от структурных и лингвистических знаний (например, грамматики, лексики и т. д.) говорящего и слушателя, но также в контексте высказывания, любых ранее существовавших знаний об этих участниках, предполагаемом намерении говорящего и других факторах. Так прагматика изучает значение слов в конкретном контексте, анализирует части значений, которые могут быть объяснены знанием физического и социального мира. Она фокусируется на значении слов во взаимодействии друг с другом и на том, как говорящие передают больше информации, чем вложено в слова, которые они используют при коммуникации.

Обычно, значение сказанной информации зависит от предположения говорящего о знаниях, которые разделяет с ним слушатель: говорящий строит лингвистическое сообщение с намеренным или подразумеваемым значением, в то время как слушатель интерпретирует сообщение и делает вывод, какое смысловое значение вложено в сообщение. Прагматика анализирует использование языка, концентрируясь на том, как фрагменты языка становятся значимыми и унифицированными для своих пользователей (Cook 2009: 41-3). В этом отношении прагматика объясняет, как пользователи языка могут преодолеть очевидную двусмысленность, поскольку смысл зависит от способа выражения, места, времени и т. д. Описывая, прагматическую функцию частиц, Николаева также подчеркивает, что "прагматика занимается значением высказываний в конкретных контекстах" (Николаева: 1985: 82), однако она также опирается на определение прагматики зарубежных лингвистов.

МОДАЛЬНОСТЬ

Многие лингвисты предлагают отличающиеся описания понятия модальности, однако я предпочитаю описание модальности, которое дает Тулан (Toolan). В его представлении, модальностью является степень уверенности говорящего в своем высказывании или его отношение к логическому содержанию высказывания. В частности, модальность обозначает языковые средства для квалификации какой-либо информации или комментария которые говорящий выражает с помощью языка. Между абсолютно положительным и абсолютно отрицательным высказываниями, такими как

[Он живет в Москве. \Leftrightarrow Он не живет в Москве.]

существует множество выражений с модальными оттенками в связи с одним или несколькими из следующих параметров: вероятности [probability]: какова вероятность данного высказывания быть правдой, частота [usuality]: как часто это может быть правдой, степень обязанности [obligation], которое подразделяется на позволение [permission], совет [advice] и обязанность [obligation], а также степень готовности или склонности говорящего к действию своего высказывания, подразделяющиеся на способность [ability], желание [willingness] или решительность [determination]. (Toolan, 2009: 47; Thompson, 2004: 67). Ниже показаны примеры выражения данных параметров:

1. Возможно он живет в Москве. [Вероятность]
2. Он обычно живет в Москве когда приезжает в Россию. [частота]
3. Он должен жить в Москве. [Обязанность]
4. Он хочет жить в Москве. [Готовность, Желание]

Эти четыре модальных параметра выражают менее полную приверженность говорящего к истинности высказывания или пожелание говорящего или же отношение говорящего ко всему высказыванию или его элементам. В большинстве своем, модальные элементы используются двумя различными способами: когда говорящий выражает что-либо касающееся будущей ситуации или может повлиять или вызвать какую-либо ситуацию в будущем (как в примерах [3] и [4] выше) то мы говорим о деонтической модальности [deontic modality]. Если же, с другой стороны, говорящий выражает отсутствие определенности в отношении истины прошлой и настоящей ситуации (как в примерах [1] и [2] выше), то мы говорим об эпистемической модальности [epistemic modality] (Lysvåg, 2007: 179).

Некоторые лингвисты, такие как Палмер (Palmer), идентифицируют также динамическую модальность, которая не отражает ни мнение говорящего, ни влияние говорящего на ситуацию (Palmer, 1990: 36). Обычно в предложениях или высказываниях с динамической модальностью используются модальные глаголы, однако они выражают фактическую ситуацию, т.е. данные модальные глаголы в фактическом контексте выражают нулевую модальность. Так, в приведенных ниже примерах говорящий описывает фактическую ситуацию:

[1] Она может играть на пианино.

[2] Она может свободно говорить по-японски.

Все перечисленные выше типы модальности выражаются модальными вспомогательными глаголами и использованием других лингвистических средств, таких как модальные наречия и модальные частицы. В русском языке модальность выражается прежде всего наклонением. Модальные глаголы не выражают действия, но они выражают отношение говорящего к действию. Они поддерживают и модифицируют главный глагол, особенно при выражении значений, связанных со способностью, желанием, обязанностью и т. д. (Toolan, 2009: 48). Другими словами, они предоставляют дополнительную семантическую или синтаксическую информацию основному глаголу. Дискурсивные модальные частицы, в свою очередь, не добавляют прямого смыслового значения к контексту предложения, но имеют скорее прагматические и семантические оттенки, поскольку они указывают на отношение говорящего к высказыванию. Тулан также подчеркивает отношение модальности к семантическому значению предложения или высказывания: “[...] the modality is in fact the part of the semantic meaning. In particular, the modality denotes the linguistic means available for qualifying any claim or commitment we make in language.” (Toolan: 1998: 46) Взяв во внимание данное высказывание Тулана, мы можем предположить, что семантические значения, которые выражают субъективно-модальные частицы, всегда тесно связаны с модальностью, т.к. модальность является частью семантического значения.

Падучева, в свою очередь, предлагает такое определение модальности:

Модальность – это понятийная категория, которая характеризует: а) отношение говорящего к содержанию высказывания, или б) статус обозначенной в нем ситуации по отношению к реальному миру, или в) иллокутивную силу, т.е. коммуникативную цель говорящего. (Падучева: Модальность)

ЧАСТИЦЫ И МОДАЛЬНОСТЬ

Перефразирование частицы *ведь* в предложении может показать основную семантическую и прагматическую функцию данной частицы. Так, например, в предложении:

[a] Она ведь ждет вас в ресторане.

модальная частица *ведь* выражает уверенность говорящего в своем высказывании, сильное предположение говорящего, а также усиливает все утверждение. Если вместо частицы *ведь* мы применим модальный глагол *долженствовать* в значении сильного предположения (strong presumption), то данное высказывание будет выражать примерно тот же смысл, что и с использованием модальной частицы *ведь*:

[b] Она должна ждать вас в ресторане.

В данном примере модальный глагол *долженствовать* выражает эпистемическую модальность, (выраженную в значении сильного предположения), а также выполняет функцию усилителя всего утверждения. Данное высказывание [b] может иметь двойной смысл: оно так же может выражать деонтическую модальность обязательства (obligation). Однако данная модальность не имеет отношения к семантическим значениям модальных частиц, поскольку модальные частицы никогда не выражают деонтическую модальность. Данные частицы, так же как и другие модальные вспомогательные средства, выражающие эпистемическую модальность, т.е. они предполагают оценку вероятности того, что утверждение истинно.

В некоторых случаях модальные частицы в русском языке имеют такую же коммуникативную функцию, как модальные глаголы и наречия. Доказательством этому может послужить тот факт, что в переводе модальные частицы имеют модальные наречия или модальные глаголы как эквиваленты:

[c] Думаю, что человек с таким симпатичным именем *вряд ли* ставит себе целью нагнать на меня страху.

Jeg tenker at noen med et så sympatisk navn *umulig kan* være ute etter å skremme meg.

В высказывании, модальные частицы передают отношение говорящего к высказываемой информации, степень его уверенности в сказанной информации или степень точности информации. Таким образом, модальные частицы, как и другие модальные элементы, такие как глаголы и наречия, выражают оценку предоставленной

информации говорящего, которая находится где-то между истинным и ложным, ведь даже такая частица как *вряд ли* не выражает полного отрицания, в то время как такая частица как *ведь* не дает полного позитивного ответа. Частицы делают высказывание менее точным, чем соответствующее высказывание без их включения:

[1] Она ведь знает что делает. (Высказывание выражает оценку факта, эпистемическая модальность)

[2] Она знает что делает. (Высказывание выражает фактическую ситуацию)

ЧАСТИЦА ВРЯД ЛИ

Этимологический словарь русского языка объясняет происхождение частицы *навряд ли* таким образом: *из вряд [въ + радъ]*, усиленного с помощью приставки *на*. Частица *ли* имеет вопросительное значение с оттенком сомнения. Однако *навряд ли* является устаревшей частицей, которая употребляется по большей части в контекстах непринужденного характера, а также в обычном обиходном разговорном языке. Стилистически, частица *вряд ли* является более нейтральной, чем *навряд ли*, поэтому она используется как в разговорной речи, так и в драматических произведениях, публицистике и художественной прозе.

Предполагается, что неизменяемая в настоящее время устойчивое сочетание *вряд ли* было неполным вопросительным предложением в старославянском языке.

Происхождение этой частицы дискурса показывает, что она подверглась процессу грамматикализации, то есть процессу, посредством которого лексические элементы становятся грамматическими. Такой пример, как использование словосочетания "Из ряда вон выходящее" подтверждает грамматикализацию данной частицы. Этим словосочетанием говорящий выражает сомнение принадлежности чего-либо к ряду некоторого логического утверждения. Такие обороты как [в ряд ли] = [не поставлено в ряд] также выражают сомнение, соответствует ли данная информация фактам (не логике). Если говорящий подвергал цепочку событий сомнениям, то говорил "в ряд ли" получится. То есть было сомнение, ставить ли озвученную информацию в ряд с чем-то нормативным.

Толковый Словарь Русского Языка Ожегова дает следующее определение частицы *вряд ли*:

Вряд. Вряд, частица (устарелое). Употр. в знач. сомнительно, чтобы..., едва ли.
В. можно ждать пощады. Вряд ли—то же, что вряд. Вряд ли он придёт.

Таким образом, семантическим свойством данной частицы является выражение сомнения в достоверности, в подлинности и в соответствии истине. Предполагается, что устойчивое сочетание (фразеологизм) **вряд ли** произошло от семантического значения логики и возможности определенного события войти в ряд нормы, от сомнения в возможности положительного итога построения чего-либо (радъ подразумевает нечто правильно построенное). Устойчивое сочетание (фразеологизм) **вряд ли** входит в смысловую и модальную категорию частиц, которые выражают дополнительные смысловые оттенки, чувства и отношение говорящего к высказыванию. Они уточняют, акцентируют и усиливают отдельные слова или выражения, а также обладают эмоциональными свойствами. Синонимами данной частицы являются частицы **едва ли**, **навряд ли** и наречие **сомнительно**.

Stor Russisk-Norsk Ordbok, в свою очередь, предлагает следующий перевод данной частицы на норвежский язык:

вряд ли *частица* *neppe*, *knapt*

Как поясняет *Stor Norsk-Russisk Ordbok*, в данном значении синонимами **knapt** являются наречия **nesten ikke** и **ikke nok**. Эквивалентами данного значения при переводе на русский язык являются модальные частицы **едва** и **еле**, а также наречие **с трудом**. Синонимом **knapt** также является наречие **neppe**, которое, в свою очередь, выражается эквивалентами перевода в качестве частиц **вряд ли** и **едва ли**.

Синонимами **neppe**, в свою очередь, являются такие наречия как **sannsynligvis ikke** и **nok ikke**. Все данные наречия имеют эквиваленты русского языка, выраженные частицами **едва**, **едва ли**, **вряд ли**, **навряд ли**. Таким образом, по всей вероятности, при переводе частица **вряд ли** будет иметь эквиваленты **neppe**, **knapt**, **nesten ikke**, **ikke nok**, а также **sannsynligvis ikke** и **nok ikke**.

Рассмотрим эквиваленты перевода корпуса RuN. В оригинальных текстах база RuN было найдено 58 случаев использования частицы **вряд ли**. Варианты эквивалентов перевода данной частицы на норвежский язык приведены в таблице 1 (Tab.1):

Neppe	Knapt	Knapt nok	Vel ikke	Umulig
22	7	4	3	2
≈ 38%	12%	6,9%	5%	3,4%

(Tab.1)

Также в единичных случаях как эквиваленты переводов были употреблены такие частицы и наречия как *visst, visst ikke, ikke fullt så, vel, heller ikke, særlig sannsynlig, lite som tider, kanskje*.

На приведенных примерах ниже, мне хотелось бы рассмотреть, какие эквиваленты частицы *вряд ли* используются при переводе, как они выражают субъективно-модальную частицу *вряд ли* и каким образом данные эквиваленты выражают эмоциональный оттенок и модальность данной частицы. Взяв во внимание определения семантики и прагматики, мы можем предположить семантическое значение частицы *вряд ли* при помощи вариантов эквивалентов перевода на норвежский язык, а также понять ее прагматическую роль в значении всего предложения или высказывания.

[1] И хотя *вряд ли* оно могло изменить его жизнь, но какая-то смутная и ничем не оправданная надежда заставляла его улыбаться, замечая острые лезвия солнечных лучей, пробивающиеся через слабые тучи и облака. (А. Курков)

Og selv om våren *neppe* kunne forandre livet hans, var det likevel et litt tåkete og fullstendig uberettiget håp som tvang ham til å smile idet han fikk øye på solstrålene som skar seg gjennom de myke skyene som skarpe knivblad.

В данном предложении частица *вряд ли* выражает сомнение, имеющее окрас разочарования или досады. Данная частица усиливает значения придаточного предложения. В переводе, эквивалентом данной частицы является наречие *neppe*, которое также выражает сомнение.

[2] Для того, чтобы предъявить людям такого кота, достаточно владеть первыми основами чревовещания, а *вряд ли* кто-нибудь усомнится в том, что искусство Коровьева шло значительно дальше этих основ. ((М. Булгаков)

For å vise folk en slik katt er det tilstrekkelig å beherske buktaleriets begynnelsesgrunner, og det er *vel ingen* som betviler at Korovjevs kunst befant seg på et ganske annet nivå enn det.

В данном примере частица *вряд ли* подчеркивает высказывание, в особенности придаточное предложение, к которому частица принадлежит. Данная частица используется в комбинации с неопределенным местоимением *кто-нибудь*, которое, как правило, используется в вопросах и негативных конструкциях. Данная комбинация выражает уверенность в негативном результате высказывания и имеет эмоциональный окрас иронии. Эквивалентом данной комбинации является словосочетание модальной частицы *vel* и наречия *ingen*. Модальная частица *vel* выражает согласие, подчеркивает вероятность, в то время как наречие *ingen* соответствует местоимению *никто* в русском языке, и используется как правило в вопросах и негативных конструкциях.

[3] Может быть, но *вряд ли*.

Kanskje, men *jeg tror det ikke*.

В данном примере частица *вряд ли* выражает сомнение. Она также усиливает высказывание и придает окрас сожаления. Данная частица представлена в переводе полным трехчленным предложением *подлежащее + сказуемое + дополнение*.

В переводе модальность данной частицы выражает сказуемое *tror*. В своей работе Тулан (Toolan) рассматривает модальность лексических единиц выражающих "усовершенствованную модальность" (advanced modality), в ряде которых находятся глаголы *считать, догадываться, верить и думать* (reckon, guess, believe and think, Toolan: 1998: 53)), где *верить / tror* – один из глаголов, используемых в данном примере.

[4] Дело в том, что смысл перепалки между их высочествами, вряд ли понятный даже и человеку, знающему по-русски, был мне совершенно ясен. (Б. Акунин)

Saken var at innholdet i munnhuggeriet mellom far og sønn, som knapt nok var forståelig for mennesker som kunne russisk, var fullstendig klart for meg.

Данное высказывание имеет двойной смысл: в первом из них с помощью частицы *вряд ли* говорящий выражает сомнение, окрашенное неким оттенком сожаления; во втором же значении с помощью данной частицы, говорящий выражает уверенность в своем высказывании, окрашенным неким оттенком иронии. Для того, чтобы слышать настоящее значение данного высказывания, нужно слышать интонацию говорящего.

В переводе, семантика сомнения выражена с помощью модального словосочетания наречий *knapt + nok*. В данном переводе переводчик передал значения сомнения говорящего с неким эмоциональным оттенком иронии.

[5] Но и эта метафора *вряд ли* удачна.

Ein vellykka metafor er *heller ikkje* dette.

В этом примере частица *вряд ли* имеет некий эмоциональный окрас досады и выражает сомнение. Эквивалентом данной частицы является словосочетание *heller ikke*, где наречие *heller* выражает эпистемическую модальность. Данное наречие выражает более нейтральный эмоциональный окрас, чем частица *вряд ли* в оригинальном выражении.

[6] Думаю, что человек с таким симпатичным именем *вряд ли* ставит себе целью нагнать на меня страху.

Jeg tenker at noen med et så sympatisk navn *umulig kan* være ute etter å skremme meg.

В этом предложении частица *вряд ли* выражает не сомнение, а уверенность говорящего в негативном результате высказывания. Данная частица подчеркивает все высказывание и добавляет эмоциональный оттенок иронии по отношению к содержанию второй части предложения. В данном примере, эквивалентом частицы *вряд ли* является модально-субъективное наречие *umulig* которое выражает эпистемическую модальность (не/ возможность), в комбинации с модальным глаголом *kan* который также в этом случае выражает эпистемическую модальность и подчеркивает содержание всего высказывания.

[7] Среди множества детей, что бегают через мост в лавочку за покупками, совсем не встретишь оборванных, *вряд ли* кто-нибудь из них не ест досыта, и все они премиленькие.

Av de mange børn som passerer broen og går ærender til butikkerne er ingen nakne, det er *visst ikke* mange av dem som lider nød og det er alle pene børn.

В данном примере частица *вряд ли* выражает семантику сомнения. Данная частица усиливает значение всего высказывания, но особенно делает ударение на придаточном предложении. В данном высказывании данная частица выполняет свою функцию не как единичный лексический элемент, но более как часть словосочетания *вряд ли кто-нибудь из них*. Как было замечено ранее, неопределенное местоимение *кто-нибудь*

обычно используется в вопросах и в негативных предложениях. В переводе данное местоимение имеет эквивалент *ikke mange*, в то время как частица *чуть не* имеет эквивалент модального наречия *visst*.

[8] Раз она считает Карлсона привидением, она, наверно, уйдет от нас: *вряд ли* ей захочется оставаться в доме, где есть привидения".

Lillebror nikket, å, så fint om frøken Buck trodde at Karlson var et spøkelse.

Da dro hun kanskje sin vei. For hun *ville ikke* bli i et hus der det spøkte.

В этом примере [8] частица *вряд ли* имеет эмоциональный окрас огорчения.

Модальность в этом предложении выражена частицей *вряд ли*, а так же модальным глаголом *хотеть*. Оба модальных элемента имеют эпистемическую модальность.

Несмотря на то, что *вряд ли* является частица с семантикой "сомнения", в этом предложении данная частица выражает уверенность говорящего в своем высказывании. Другими словами, говорящий не сомневается, а выражает уверенность в том, что "Ей не захочется оставаться в доме, где есть привидения". Данная частица выделяет вторую часть высказывания. В переводе частица *вряд ли* выражена с помощью отрицательной частицы *ikke* в то время как эпистемическая модальность выражена модальным глаголом *ville*. Поскольку отрицание *ikke* обладает нулевой модальностью, отсутствие модального эквивалента в переводе может подразумевать недостаток модального оттенка в переводе, или же модальный глагол *ville* сочетает в себе модальность частицы *чуть не* и модальность сказуемого *захочется*.

[9] "Но Карлсон *вряд ли* умеет бальзамировать", – подумал Малыш и спросил с удивлением:

Men Karlson kunne *i allfall ikke* balsamere, tenkte Lillebror, og han spurte forundret:

В данном примере частица *чуть не* выражает уверенность говорящего в негативном результате высказывании, а также придает окрас сожаления или огорчения. Значение данной частицы в переводе выражает словосочетание *i allfall ikke*. Данное словосочетание выражает очень низкий процент модальности, в результате чего данное высказывание звучит как «Karlson kan ikke balsamere», т.е. выражает уверенность говорящего в негативном результате высказывания.

[10] Сюда *вряд ли* кто придет.

Her kommer *visst ingen*.

В данном выражении частица *вряд ли* выражает сомнение. В данном выражении *вряд ли* имеет нейтральный эмоциональный окрас. В переводе данная частица имеет эквивалент наречия *visst ingen*, которое так же звучит эмоционально нейтрально и выражает сомнение.

[11] Волчий оскал, исказивший гладкую физиономию Фандорина, *вряд ли* сулил мне что-то хорошее, и я с ужасом следил за его рукой, вытягивавшей что-то из внутреннего кармана. (Б. Акунин)

Ulvegrinet som fordreide Fandorins glatte ansikt *lovet ikke* godt, og jeg fulgte hånden hans med forferdelse, den var i ferd med å trekke et eller annet frem fra innerlommen.

В данном выражении частица *вряд ли* выражает уверенность говорящего в том, что "волчий оскал не сулил мне что-то хорошее". В данном высказывании крайне сложно уловить какой-либо эмоциональный окрас данной частицы, т.к. в этом предложении несколько слов и словосочетаний обладают оценочно-эмоциональными качествами. Так, например, [волчий оскал], [исказивший], [физиономия], [сулил], [с ужасом], [следил], [вытягивавшей] – каждый из этих слов и словосочетаний обладает стилистически отрицательной оценкой. Возможно в связи с этим в данном высказывании частица *чуть не* имеет только эквивалент *ikke*. Однако, на мой взгляд, сказуемое *lovet* сочетает в себе модальность глагола *сулить*, а также модальность частицы *вряд ли*.

[12] Ещё несколько дней назад я *вряд ли* смог бы в такой день преспокойно сидеть, попивать чай, закусывать и листать газеты. (Б. Акунин)

Bare for kort tid siden kunne jeg *umulig* ha sittet i all ro på slik en dag, drukket te, spist og bladd i aviser.

В данном высказывании частица *вряд ли* выражает уверенность говорящего в негативном результате высказывания. Данная частица усиливает все высказывание и придает высказыванию чуть заметный иронический, шуточный оттенок. Эквивалентом данной частицы является *umulig*. Данная частица очень хорошо передает семантическое значение частицы *чуть не* в данном контексте.

[13] Но *вряд ли* мама была бы так спокойна, если бы поняла до конца, что именно сказал ей Малыш.

Fullt så rolig hadde hun *nok ikke* vært om hun virkelig hadde tenkt over hva det var Lillebror sa.

В данном предложении частица *вряд ли* выражает уверенность говорящего в негативном результате высказывания. Данная частица усиливает все высказывание, в особенности его первую часть, а также придает шутливый эмоциональный окрас данному высказыванию. Эквивалентом данной частицы является наречие *nok + ikke*.

[14] Полагаю, что Фоме Аникеевичу такая порывистость, проявленная потным господином в одних кальсонах, вряд ли могла прийтись по вкусу. (Б. Акунин)

Jeg formodet at en slik impulsivitet fra en svett mann i bare underbuksene kanskje ikke falt helt i smak hos Foma Anikejevitsj.

В данном высказывании частица *вряд ли* выражает сомнение говорящего. Данная частица имеет довольно нейтральный эмоциональный окрас в данном выражении. Эквивалентом перевода данной частицы является наречие *kanskje + ikke*, которое так же выражает сомнение.

[15] И вовсе не от легкомыслия или под влиянием начавшейся в нем новой страсти зародился в нем этот вопрос: в эти первые два месяца в Петербурге он был в каком-то исступлении и вряд ли заметил хоть одну женщину, хотя тотчас же пристал к прежнему обществу и успел увидеть сотню женщин. (Ф. Достоевский)

Og det var ikke av lettsindighet eller under innflytelse av noen ny lidenskap at dette spørsmålet dukket opp i ham: disse to første månedene i Petersburg hadde han vært i en slags ekstase og hadde knapt lagt merke til en eneste kvinne, skjønt han straks hadde sluttet seg til sin tidligere omgangskrets og hadde rukket å møte et hundretall kvinner.

В данном высказывании частица *вряд ли* выражает сомнение говорящего, усиливает значение придаточного предложения, к которому она принадлежит, а также придает эмоциональный окрас сожаления или сострадания. Эквивалентом данной частицы является наречие *knapt*. Данное наречие хорошо передает семантическое значение частицы *вряд ли*, однако эмоциональный окрас данного наречия является более нейтральным.

ОБОБЩЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ЧАСТИЦЫ ВРЯД ЛИ

Анализ частицы *вряд ли* показывает, что данная частица обладает отличительными качествами в отношении семантических значений: если речь идет о положительной оценке, или ожидаемому результату говорящего, то частица *вряд ли* выражает **семантику сомнения** говорящего в положительном результате, как показано в примере ниже:

[1] И хотя *вряд ли* оно могло изменить его жизнь, но какая-то смутная и ничем не оправданная надежда заставляла его улыбаться, замечая острые лезвия солнечных лучей, пробивающиеся через слабые тучи и облака. (А. Курков)

Og selv om våren *neppe* kunne forandre livet hans, var det likevel et litt tåkete og fullstendig uberettiget håp som tvang ham til å smile idet han fikk øye på solstrålene som skar seg gjennom de myke skyene som skarpe knivblad.

Если же речь идет об отрицательной оценке или результате, которого говорящий не хотел бы получить, то частица *вряд ли* выражает **семантику уверенности** говорящего в негативном результате:

[2] Для того, чтобы предъявить людям такого кота, достаточно владеть первыми основами чревовещания, а *вряд ли* кто-нибудь усомнится в том, что искусство Коровьева шло значительно дальше этих основ. ((М. Булгаков)

For å vise folk en slik katt er det tilstrekkelig å beherske buktaleriets begynnelsesgrunner, og det er *vel ingen* som betviler at Korovjevs kunst befant seg på et ganske annet nivå enn det.

Так, в примере [1] контекст высказывания подразумевает, что "оно могло изменить его жизнь" имеет положительную оценку, а также результат на который говорящий хотел бы надеяться, однако он с помощью частицы *вряд ли* высказывает сомнение в позитивном результате высказывания. В примере [2], в свою очередь, "кто-нибудь усомнится в том, что искусство Коровьева шло значительно дальше этих основ" несет отрицательную оценку и нежелательный результат говорящего, поэтому говорящий с помощью частицы *вряд ли* выражает уверенность того, что этого не может случиться, т.е. говорящий выражает уверенность в отрицательном результате высказывания.

Возможно данное утверждение по поводу семантического значения частицы *вряд ли* звучит довольно абсурдно – ведь общепринятым считается, что данная частица

выражает семантику сомнения говорящего в достоверности высказывания. Но данное утверждение можно подтвердить некоторыми примерами. Если взять во внимание определение модальности – "модальность выражает менее полную приверженность говорящего к истинности высказывания или пожелание говорящего или же отношение говорящего ко всему высказыванию или его элементам", а так же тот факт, что частица **вряд ли** является субъективно-модальной частицей, которая выражает некоторое модальное отрицание в высказывании, и взяв такое высказывание с употреблением частицы **вряд ли**:

Думаю, что человек с таким симпатичным именем **вряд ли** ставит себе целью нагнать на меня страху.

Если из данного высказывания исключить модальный элемент, то есть частицу **вряд ли**, заменив частицу **вряд ли** на отрицательную частицу **не**, то мы получим высказывание, выражающее фактическую ситуацию, то есть то же самое высказывание, но без модального эффекта:

Думаю, что человек с таким симпатичным именем **не** ставит себе целью нагнать на меня страху.

Если в данном высказывании заменить **думаю** семантическим понятием сомнения – **сомневаюсь**, то мы получим такое выражение:

[1] **Сомневаюсь**, что человек с таким симпатичным именем **не** ставит себе целью нагнать на меня страху.

Если же мы заменим **думаю** на семантическое понятие уверенности – **уверена**, то мы получим такой вариант:

[2] **Уверена**, что человек с таким симпатичным именем **не** ставит себе целью нагнать на меня страху.

В данном случае, оригинальное высказывание соответствует немодальному высказыванию [2]:

Думаю, что человек с таким симпатичным именем **вряд ли** ставит себе целью нагнать на меня страху.

Уверена, что человек с таким симпатичным именем **вряд ли** ставит себе целью нагнать на меня страху.

Таким образом, в данном контексте частица **вряд ли** выражает не сомнение, а уверенность говорящего в негативном результате высказывания.

Согласно проведенному анализу трансляционных эквивалентов субъективно-модальной частицы **вряд ли** показывает, что данная частица выражает оценочную модальность, а также обычно выражает эмоциональность и другие непосредственные реакции говорящего по отношению к своему высказыванию. Можно выделить две основных категорий семантических значений данной частицы:

1. Семантика уверенности в негативном результате высказывания: данная семантика выражается с помощью субъективно-модальных наречий **vel + ingen, umulig, iallfall + ikke, nok + ikke**.
2. Семантика сомнения: данная семантика выражается субъективно-модальными наречиями **neppe, heller + ikke, visst + ikke, visst + ingen, kanskje + ikke, knapt**.
3. Эмоционально-оценочная семантика: данная семантика усиливает экспрессивность всего высказывания или его части, вносит эмоциональные и оценочные оттенки, а также выражает непосредственные реакции говорящего. В данном случае, при употреблении частицы **вряд ли**, были отмечены эмоциональные окрасы разочарования, досады, сожаления, досады, огорчения, сострадания, выраженные наречиями **neppe, heller ikke, iallfall ikke, knapt**; а также некие окрасы шутливости и иронии, выраженные наречиями **nok, umulig, vel**.

Прагматическая функция частицы **вряд ли** в большинстве случаев заключается в усилении экспрессивности высказывания, а также в усилении всего или части высказывания, чаще всего данной частью является придаточное предложение, к которому принадлежит частица **вряд ли**.

ЧАСТИЦА ВЕДЬ

Частица **ведь** является отглагольной субъективно-модальной частицей, которая происходит от старославянского глагола **вѣдѣти**, что значит [знать, ведать]. Так глагол **вѣдѣ** являлся формой 1. лица единственного числа в старославянском языке. Глагол **вѣдѣти**, в свою очередь, образован путем слияния двух глаголов **вѣдѣти** и **вѣсти**, в свое время имеющих различные смысловые значения. *Словарь Древнерусского Языка* объясняет образование глагола **вѣдѣти** таким образом:

вѣдѣти, вѣдѣ и **вѣсти, вѣмъ** (= вѣдѣть, так же как ѣсти, ѣть, дати, дамь) – scіrc: –
Формы спряжения этих двух глаголов разного образования издревле смешались в
употреблении и некоторые исчезли; таким образом в древнейших памятниках мы уже
не встречаем форм прош. сов. от вѣсти и форм наст. от вѣдѣти кроме 1-го л. вѣдѣ.
только в причастиях сохранились формы двойного образования: вѣдый и вѣдяи,
вѣдимыи и вѣдомый [...]. (*Словарь Древнерусского Языка* Измаила Средневского, Том
1, стр. 17).

Происхождение данной частицы дискурса показывает, что в процессе развития языка,
данная частица подверглась процессу грамматикализации, то есть процессу,
посредством которого лексические элементы становятся грамматическими. В русском
языке частица **ведь** одна из самых часто используемых частиц. Если взять во внимание
природу глагола **вѣдѣти**, который образовался вследствие слияния смысловых
значений двух глаголов, то мы можем предполагать, что данный глагол обладал более
обширным семантическим полем. По всей вероятности, данные семантические
значения и смысловые оттенки также передались частице **ведь**. Этот факт может дать
объяснение причины того, почему частица **ведь** так часто употребляется в разговорной
и письменной речи и обладает таким обширным спектром эмоционально-оценочных
окрасов при употреблении. Данная частица также обладает несколькими
семантическими значениями, в частности, она обладает семантикой знания и обладания
сведениями и информацией.

Толковый Словарь Русского Языка дает следующее определение частицы **ведь**:

Ведь, частица. Употребляется для усиления основного содержания всего высказывания
(предположения, утверждения, вопроса и т.п.) или выделения, подчёркивания
отдельного слова, а также используется в вопросительном предложении, чтобы
показать, что говорящий ожидает положительного ответа.

Stor Russisk-Norsk Ordbok, в свою очередь, предлагает следующий перевод этой
частицы на норвежский язык:

Ведь I. частица, усил. jo, da; он ~ твой сын / han er jo din sønn; вот ~ досада! / det var da
kjedelig! вот ~ какой он человек! / et sånt menneske er han altså, for et menneske! ~ вы
идете домой, не правда ли? / de skal jo hjem, ikke sant? **II.** союз **1.** (с причинными и
уступ. высказываниями) jo; я не могу сделать это, ~ я болен / jeg kan ikke gjøre det, jeg er

jo syk 2. (то, в таком случае) jo, da; хорошо, что он помог нам: ~ мы бы иначе не справились / det var bra han hjalp oss, ellers ville vi jo ikke ha greid det.

Таким образом, взяв во внимание определения данной частицы, которое дают *Толковый Словарь Русского Языка* и *Stor Russisk-Norsk Ordbok*, можно сказать, что частица *ведь* относится к категории субъективно-модальных частиц, которые выражают дополнительные смысловые оттенки и отношение говорящего к высказыванию. Данная частица относится к разряду усилительных частиц которые служат для подчёркивания мысли, обоснования общей позиции говорящего или для противопоставления сказанного чему-либо другому, или же усиливают и подчеркивают определённое слово или словосочетание в предложении. В некоторых случаях частица *ведь* имеет функцию подкрепления, подтверждения или обращение к известному факту.

Ведь также может выполнять функцию союза, по своему смысловому значению походящего на союзы [то, в таком случае], т.е. союза, который функционирует как связующее звено в предложении и указывает на причину или обоснование предшествующего утверждения. Поскольку данная частица усиливает выразительность речи, она часто употребляется в восклицательных предложениях. Данная частица используется часто в разговорной речи, в драматических произведениях, публицистике и художественной прозе. Также эта частица используется в формальных и научных текстах.

На приведенных примерах ниже, мне хотелось бы рассмотреть, какие эквиваленты частицы *ведь* используются при переводе, как они выражают субъективно-модальную частицу *ведь* и каким образом данные эквиваленты выражают эмоциональный оттенок и модальность данной частицы. Взяв во внимание определения семантики и прагматики, мы можем предположить семантическое значение частицы *ведь* при помощи вариантов эквивалентов перевода на норвежский язык, а также понять ее прагматическую роль в значении всего предложения или высказывания.

В оригинальных текстах дата базы RuN было найдено 598 случаев использования частицы *ведь*. Эквиваленты переводов данной частицы показаны в таблицах 1 и 2, (Таб.2) и (Таб.3):

Ø	Jo	For	Vel	Nemlig	Da	Nok	Så	Ja	Ikke sant?
116	349	28	21	14	13	9	7	6	7
19,4%	58,4%	4,7%	3,5%	2,3%	2,1%	1,5%	1,2%	1%	≈1,2%

(Tab.2)

Annet	Nå	Visst	Og	Men	Hvis	Bare	Og så/ også	For + vel
10	4	3	3	3	2	2	2	2
≈1,7%	0,7%	0,5%	0,5%	0,5%	0,33%	0,33%	0,33%	0,33%

(Tab.3)

При переводе 10 выражений (≈1,7%), в добавление к частицам и наречиям указанных в таблицах, в единичных случаях были также использованы такие эквиваленты как:

likevel, faktisk, virkelig, altså, hva, må, og tenk, ja visst, må + ikke sant u fordi.

Как показывают результаты анализа, при переводе частицы *vedь* было использовано 28 наречий, выражений и частиц норвежского языка. Такой обширный спектр эквивалентов данной частицы при переводе позволяет подтвердить, что значение частицы *vedь* имеет разнообразные семантические и прагматические оттенки.

В 116 (≈19,4 %) случаях переводов значение этой частицы не была отражено в норвежском переводе. Это достаточно высокий процент (≈1/5 от всех случаев частицы *vedь* в оригинальных текстах), который показывает, что во многих случаях эта частица не имеет достаточного семантического и прагматического веса для того чтобы отразить ее значение в тексте перевода.

При переводе 22 предложений и высказываний (≈3,9%) с употреблением данной частицы в оригинальных текстах, грамматическая структура переведенного на норвежский язык предложения была полностью изменена. Изменение грамматической структуры позволяет предполагать, что в некоторых случаях разговорная речь в оригинальном тексте имеет довольно сложную структуру предложений, с использованием нескольких придаточных предложений или же с использованием грамматических конструкций, не существующих в норвежском языке, такими, например, как деепричастие; или же данные предложения перенасыщены тонами модальности, все нюансы которых сложно передать при переводе (пример [1]) и

вследствие этого, переводчик меняет грамматическую структуру предложения для того чтобы как можно лучше выразить прагматический смысл данного предложения в языке перевода.

Ниже рассматриваются семантические значения и прагматические функции частицы *ведь* более подробно на конкретных примерах. Несколько первых примеров конструкций перевода имеют нулевой эквивалента данной частицы:

[1] И представьте, из первейших источников узнал, что *ведь* и вправду
чрезвычайно опасно болен! (Ф. Достоевский)

Og tenk Dem, fra de påliteligste kilder har jeg fått vite at han virkelig er meget
farlig syk!

В примере [1] частица *ведь* выполняет функцию усилительной частицы и несет семантику подтверждения высказыванию. Частица также добавляет высказыванию эмоциональности. Однако усилительную роль в этом предложении выполняет также модальное словосочетание "он [вправду чрезвычайно опасно] болен", а также восклицательный знак в конце предложения. Если мы сравним эту часть предложения с высказыванием "он болен", то усилительная функция словосочетания [вправду + чрезвычайно + опасно] особенно заметна – каждый из трех элементов данного словосочетания является своего рода эмоционально-оценочным усилителем контекста, так как каждый из данных элементов добавляет своего рода эмоциональный окрас. В этом случае усилительная роль частицы *ведь* теряет свое смысловое значение и поэтому в высказывании перевода не отражается. Более того, возможно что внедрение эквивалента данной частицы в перевод могло бы засорить или размывать смысл всего высказывания.

[2] *Ведь* вы будете как пень стоять перед ними, *ведь* вы не найдете... (Ф.
Достоевский)

De kommer til å stå foran dem som en stokk, De kommer ikke til å greie å vri
Dem ut av dette...

В примере [2] употреблены две частицы *ведь* выполняющие прагматическую функцию упрека и в первой, и во второй части предложения, а также выражающие эмоциональный окрас раздражения. В добавление к этому, частица *ведь* играет роль эпистемического модального элемента для выражения уверенности говорящего.

Переводчик кардинально изменил грамматическую структуру и лексический состав

второй части предложения для того, чтобы лучше донести смысл высказывания в норвежском языке. Вследствие данных изменений в предложении, частица *ведь* не была отражена в переводе, однако здесь модальный эквивалент *kommer til* и в первой, и во второй части предложения, является эквивалентом перевода модальной частицы *ведь* + модального глагола *быть*.

[3] Сегодня монахи весь день были настороже: ведь если вас не встретить с церемонией – беда! (А. Чехов)

I dag har munkene stått på pinne hele dagen! Hvis de ikke tar imot Dem med en seremoni? så stakkars dem!

В данном примере частица *ведь* выражает семантику уверенности говорящего в своем высказывании и добавляет эмоциональный окрас всему высказыванию, а также выполняет функцию усиления и подчеркивания значения придаточного предложения. В конструкции перевода не употребляется эквивалент частицы *ведь*, однако данное усиление и эмоциональный окрас передают две восклицательные и одна вопросительная конструкции.

[4] Как же вам не стыдно так его оставлять, так таиться, скрываться; ведь Колечка мучается; рвать все прошлые, интимные связи... (А. Белый)

At De ikke skammer Dem over å la ham i stikken slik, gjemme seg, holde seg borte på denne måten; Koletsjka har det vondt, han; bryte alle gamle, nære bånd...

В данном примере частица *ведь* является связующим звеном главного и придаточного предложений в сложноподчинённом предложении. Здесь *ведь* выражает семантику знания, а также ставит ударение на словосочетание "Колечка мучается", то есть выполняет функцию усилителя данного высказывания. В конструкции перевода, частица *ведь* имеет своего рода эквивалент *han*. Данное личное местоимение делает ударение на "Колечка" и таким образом берет на себя функцию усилителя выражения перевода.

[5] Что же, это все полночь да полночь, а *ведь* давно уже должно быть утро? (М. Булгаков)

Hva kommer det av at det er midnatt hele tiden; det burde *jo* vært morgen for lenge siden?

[6] Я *ведь* тоже не был готов к полному посвящению себя другому человеку, даже женщине. (А. Курков)

Jeg var *jo* heller ikke rede til å hengi meg fullt og helt til et annet menneske, selv ikke til en kvinne.

В данных примерах частица *ведь* выполняет функцию противопоставления. Данная функция особенно усиливается в комбинации употребления частицы *ведь* с противительными союзами *а, же, но, да*. Пример [5], где частица *ведь* употребляется в совокупности с противительным союзом *а* является наглядным примером экспрессивности противоречия и противопоставления. Данная частица также выполняет усилительную функцию, усиливая придаточное предложение к которому данная частица относится. В примере [6], как уже было замечено выше, частица *ведь* также выполняет функцию противоречия и противопоставления. Данная частица усиливает содержание всего предложения. Эквивалентом данной частицы в этих примерах является модальное наречие *jo*. В данном контексте данное наречие проявляет функцию усиления содержания контекста, а также выражение уверенности говорящим. Данное наречие также добавляет некий эмоциональный окрас.

[7] Да если бы скорее, а то ведь они же мои опыты задерживают. (М. Булгаков)

Om det bare skjedde snart, *for* ellers vil det forsinke eksperimentene mine.

[8] Вы *ведь* можете считаться полномочным представителем августейшей фамилии? (Б. Акунин)

For De kan vel betraktes som en befullmektiget representant for keiserslekten?

В примере [7] частица *ведь* выражает семантику знания и уверенности, а также выполняет функцию уточнения высказывания говорящего. Данная частица также усиливает содержание придаточного предложения в котором она находится, а также придает эмоциональный окрас упрека и досады. В примере [8] данная частица выражает некоторое выражение уверенности говорящего в своем высказывании, а также делает ударение на функции вопроса и привлечения внимания собеседника. Кроме того данная частица усиливает содержание высказывания говорящего. Частицы данных примеров в переводе имеют эквивалент *for*. Данное наречие уточняет и усиливает содержание всего высказывания, но в особенности того придаточного предложения, к которому оно относится.

[9] Лаврентий Аркадьевич, *ведь* я, кажется, д-долг исполнил, про турецкий фланговый маневр сообщил. (Б. Акунин)

Lavrentij Arkadjevitsj, jeg har *vel* egentlig gjort min plikt i og med at jeg har meldt om den tyrkiske flankemanøveren.

[10] Впрочем, вы... вы меня опять-таки извините, *ведь*, я не ошибаюсь, вы человек невежественный? (М. Булгаков)

Forresten, De... De får ha meg unnskyldt nok en gang, men jeg tar *vel* ikke feil når jeg sier De er et uvitende menneske?

Пример [9] является семантически сложным высказыванием, поскольку наречие *кажется* выражает сомнение, в то время как частица *ведь* выражает уверенность говорящего и его знание высказанной информации. Частица *ведь* в данном контексте выражает эмоциональный окрас некоторой досады, а также усиливает содержание высказывания. Пример [10] также является достаточно интересной конструкцией в плане семантического значения: в данном высказывании с помощью частицы *ведь* говорящий выражает свою уверенность в знании факта высказанной информации, однако он выражает свое высказывание в вопросительной конструкции, т.к. сохраняет некую лояльность к своему собеседнику. Частица *ведь* в данном высказывании усиливает содержание всего высказывания, но в особенности вторую часть высказывания. Эквивалентом данной частицы в обоих случаях является наречие *vel*. Данное наречие подразумевает под собой информацию, наверняка известную говорящему. Данное наречие усиливает содержание высказывания, а также придает некий окрас лояльности к собеседнику, выражает слабую позитивную оценку говорящего.

[11] Николай Аполлонович мучительно опустился с ней рядом: *ведь* свидание ему назначалось именно в этой аллейке; и вот — это несчастное обстоятельство! (А. Белый)

Nikolaj Apollonovitsj satte seg forpint ved siden av henne: stevnemøtet var *nemlig* avtalt nettopp i denne alléen; og nå — denne ulykksalige tingen!

[12] Какой гром, гроза будет, хорошо, что я до грозы успел; я *ведь* пешком оттуда, почти все бежал. (Ф. Достоевский)

For en torden, det blir nok uvær, det var bra jeg nådde hit før det brøt løs; jeg kom *nemlig* derfra til fots, løp nesten hele veien.

В данных примерах частица *ведь* выделяет и усиливает содержание всего высказывания. Эквивалентом данной частицы является наречие *nemlig*, которое также выполняет функцию усилителя и уточнения содержания высказывания, а также делает ударение на пояснение контекста.

[13] Но *ведь* я принимаю у себя в Учреждении. (А. Белый)

Men slikt tar jeg *da* meg av i Institusjonen.

[14] Да *ведь* еще рано, десять часов, а то и меньше. (А. Чехов)

Det er *da* tidlig ennå, klokken er ikke ti ennå.

В примере [13] частица *ведь*, выражает противопоставление, а также выделяет и усиливает содержание всего высказывания. В данном контексте, частица *ведь* выражает функцию упрека, а также выражает некий окрас досады. Противительный союз *но* усиливает экспрессивность противопоставления. В примере [14] с помощью частицы *ведь* говорящий делает стресс на содержание высказывания. Данная частица в данном контексте также выражает некий упрек и досаду говорящего. В переводе данных частиц используется эквивалент *da*. Данное наречие также выполняет функцию усилителя высказывания и также выражает некоторые окрасы упрека и досады.

[15] И хотя он пришел сюда, не думая о причине, но *ведь* именно это обещание и привело его в квартиру Пидпалого. (А. Курков)

Selv om han hadde reist hit uten å tenke over hvorfor, var det *nok* nettopp dette løftet som hadde ført ham til Pidpalyjs leilighet .

[16] Нам *ведь* с вами "принимая во внимание происхождение" – отъехать не придется, невзирая на нашу первую судимость. (М. Булгаков)

Vi to slipper *nok* ikke unna "sosial bakgrunn tatt i betraktning", enda vi ikke har noen dom på oss fra før.

В данных примерах частица *ведь* несет утвердительную функцию. В обоих случаях, говорящий выражает уверенность в своем утверждении и знании выражаемых им обстоятельств. Наречие *nok*, в свою очередь, выражает несколько значений. Как поясняет *Stor Norsk-Russisk Ordbok*, обычно данное наречие переводится на русский язык как *достаточно* (в полной мере), *хватит*, *вдобавок*. Однако во многих других случаях данное наречие является синонимом наречий *formodentlig*, *kanskje*, *vel*. В данных значениях наречие *nok* переводится на русский язык как *по-видимому*, *наверное*, *пожалуй*. Данные эквиваленты указывают на то, что наречие *nok* выражает

модальность вероятности и уверенности говорящего в своем высказывании, а также семантику знания.

[17] А скажите мне, Александр Иванович, по дружбе, ведь галлюцинациям и-таки страдаете вы? " (А. Белый)

Men si meg nå, Aleksandr Ivanovitsj, i all vennskapelighet, De lider av hallusinasjoner, ikke sant? "

[18] Как по-твоему, ведь московское народонаселение значительно изменилось? (М. Булгаков)

Befolkningen i Moskva har da forandret seg betydelig, ikke sant?

При переводе частицы *ведь* в вопросительных конструкциях довольно часто используется предложение с примыкающей вопросительной конструкцией *ikke sant?*. В некоторых случаях данная вопросительная конструкция является эквивалентом примыкающего вопроса оригинального предложения *не правда ли?*, однако в 7 случаях перевода, примыкающая вопросительная конструкция *ikke sant?* является эквивалентом частицы *ведь*. В переводе, данный эквивалент выполняет функцию вопроса оригинальной вопросительной конструкции, а также выражает ожидание говорящего подтверждения или положительный ответ на свой заданный вопрос. В данном контексте частица *ведь* придает высказыванию эмоциональный окрас искренности, выполняет функцию привлечения внимания собеседника, его положительной оценки.

[19] И ведь как ловко составлено – никому постороннему, кто про алмаз и обмен не знает, и в голову не придёт! (Борис Акунин)

Og så snedig det var utført en utenforstående, som ikke visste om diamanten og byttet, ville aldri komme på hva det dreide seg om!

[20] Вишь, ведь потеха ему! (Ф. Достоевский)

Nør, så morsomt han har det!

В примере [19] частица *ведь* выражает семантику уверенности и эмоциональный окрас удивления. Данная частица подчеркивает и усиливает все высказывание. В примере [20] данная частица выражает семантику знания, а также добавляет сильный эмоциональный окрас восхищения говорящего. Эквивалент перевода данных примеров является наречие *så*. В данном контексте данное наречие выражает высокую степень эмоционального восхищения и удивления. Данное наречие также выражает знание говорящего предыдущего контекста и выражает его реакцию на данный контекст.

[21] В самом деле: ведь вот; удивились лакеи!

Sannelig: joda; lakeiene gjorde store øyne!

Данный пример также является наглядным примером, где частица *ведь* наряду с уверенностью говорящего в своем высказывании, выражает также эмоционально оценочную семантику. В данном контексте частица *ведь* выражает некую радость и восхищение говорящего. Данная частица имеет эквивалент *joda*, наречие, которое также обладает высокой экспрессивностью эмоционально-оценочных окрасов, а также выражает уверенность говорящего в своем высказывании.

[22] Я ведь к вам-с, – предупредительно обратился Павел Павлович к Вельчанинову уже неподалеку от дома. (Ф. Достоевский)

Ja, jeg blir med Dem inn, henvendte Pavel Pavlovitsj seg forekommende til Veltsjaninov da det ikke var langt igjen til huset.

[23] Дело ведь не уголовное, а гражданское. (А. Курков)

Ja, men ikke strafferettslig, bare sivilrettslig.

В примере [22] частица *ведь* выражает семантику уверенности говорящего в своем высказывании. Данная частица усиливает высказывание. В примере [23] данная частица выражает семантику знания, и также функционирует как усилитель высказывания. В данных высказываниях частица *ведь* выражает доверительный эмоциональный окрас. Эквивалент данных частиц является частица *ja*, которая также выражает семантику уверенности и знания. Данная частица также делает ударение на высказывании, выделяет его.

ОБОБЩЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ЧАСТИЦЫ ВЕДЬ

Проведенный анализ трансляционных эквивалентов субъективно-модальной частицы *ведь* показывает, что данная частица обладает **семантикой знания** которая подразумевает под собой некоторую информацию, хорошо известную говорящему. Данная частица также выражает уверенность говорящего в своем утверждении или высказывании, что является выражением **семантики уверенности**.

В некоторых контекстах частица *ведь* выполняет функцию противоречия или же противопоставления, что является свидетельством ее выражения **семантики противоречия и противопоставления**. В случаях использования противительных

союзов да, же, а, но в комбинации с данной частицей, экспрессивность семантики противоречия или противопоставления значительно усиливается. Использование частицы *ведь* в данных контекстах является маркером того, что говорящий знаком с предшествующим контекстом и выражает некоторое негодование, противостояние или противоречие сложившейся ситуации.

Данная частица также выражает оценочную модальность, т.е. выражает эмоциональную и другие непосредственные реакции говорящего по отношению к своему высказыванию или реакцию говорящего к сложившейся ситуации, что является свидетельством того, что данная частица обладает **эмоционально-оценочной семантикой**. Обычными эмоциональными окрасами данной частицы являются разнообразные оттенки эмоциональных значений таких как восхищение, радость, а также досада и раздражение.

Таким образом, можно выделить четыре основных категории семантических значений данной частицы:

1. Семантика уверенности: данная семантика выражается с помощью субъективно-модальных наречий *jo, da, visst, så, nok, vel*. Данные наречия норвежского языка подразумевают особую уверенность говорящего в собственном высказывании и тем самым соответствуют семантическому значению уверенности частице *ведь*. Также как частица *ведь*, они усиливают содержание всего высказывания или его части и придают разнообразные эмоционально-оценочные окрасы выражению в зависимости от его контекста.
2. Семантика знания: данная семантика выражается субъективно-модальными наречиями *visst, jo, ja, nemlig, for, så*. Данные наречия, так же как и частица *ведь*, подразумевают под собой некоторую информацию, наверняка известную говорящему и выражают уверенность говорящего в своем знании. В зависимости от контекста, данные наречия также могут выделять и подчеркивать некоторые слова или словосочетания высказывания, или же содержание всего высказывания. Данные наречия также могут придавать эмоциональные оттенки высказыванию или предложению. Наречия *nelmig, for* и *så* часто являются связующим звеном между главным и придаточным предложением, а также имеют пояснительную функцию.

3. Эмоционально-оценочная семантика: Частица *ведь* довольно часто употребляется в высказываниях и предложениях, несущих эмоционально-оценочную функцию. Чаще всего данные высказывания являются имеют восклицательную конструкцию. Эмоционально-оценочная семантика, выраженная частицей *ведь*, обычно усиливает экспрессивность всего высказывания, вносит эмоциональные и оценочные оттенки, а также выражает непосредственные реакции говорящего. Таковыми могут быть отношение говорящего к сказанному, удивление, раздражение, искренность, восхищение и радость. Чаще всего, данная семантика выражена субъективно-модальными наречиями *jo, visst, nemlig, vel, ja* норвежского языка. Данные наречия как нельзя лучше передают эмоционально-оценочную семантику частицы *ведь*.

4. Семантика противоречия и противопоставления: обычно в переводе данная семантика выражена субъективно-модальным наречием *jo*. Как и частица *ведь*, данное наречие выполняет функцию противоречия или противопоставления. В данных контекстах, так же как и частица *ведь*, наречие *jo* подчеркивает или усиливает высказывание или придаточное предложение к которому оно принадлежит, а также придает высказыванию некоторые эмоциональные окрасы, зависящие от контекста.

Прагматическая функция данной частицы в большинстве случаев заключается в усилении всего или части высказывания, а также усилении экспрессивности высказывания. В вопросительных конструкциях частица *ведь* функционирует как запрос на подтверждение высказывания или же ожидание говорящего положительного ответа на заданный вопрос. Данная функция при переводе чаще всего выражается с помощью наречия *vel*, а также вопросительного придаточного предложения *ikke sant*.

СРАВНЕНИЕ ЧАСТИЦ *ВРЯД ЛИ* И *ВЕДЬ*

В своем описании частиц, Николаева отмечает, что "[...] не отрицая положения о размытости семантики частиц и о реализации смысла частицы в высказывании, можно [...] считать, что с каждой частицей можно сопоставить заданный и перечислимый набор сем (который, как уже говорилось выше, может в принципе пересекаться для

отдельных частиц), при этом каждая из сем корреспондирует определенному контексту. Это следует и из того, что не все контексты, даже для очень близких по семантике частиц, взаимно заменимы." (Николаева: 1985:11). Если взять во внимание данную гипотезу Николаевой, то можно предположить, что:

1. Семантические значения отдельных частиц в определенных контекстах могут пересекаться.
2. Даже близкие по семантическому значению частицы могут быть взаимно незаменимы.

Сравнение частиц *вряд ли* и *ведь* мы можем провести с помощью анализа эквивалентов данных частиц в переводе на норвежский язык. Исходя из значений эквивалентов данных частиц в норвежских переводах, мы также можем предполагать сходства и различия их семантических значений и прагматических функций.

Частицы *вряд ли* и *ведь* имеют определенные сходства в выполняемой функции в предложении. Так обе данные частицы придают некоторую стилистическую окраску в употребляемом контексте: они выражают субъективную модальность, а также добавляют высказыванию смысловые оттенки и эмоционально-оценочные окрасы. Обе данные частицы уточняют, акцентируют и усиливают отдельные слова или словосочетания в высказывании, или же все высказывание. Данные частицы также выражают непосредственную реакцию говорящего и его отношение к сказанному. Обычно данные частицы употребляются в разговорной речи при диалоге, что свидетельствует о их коммуникативной функции, функции привлечения внимания собеседника, а также реактивные функции на высказывания или действия собеседника.

Обе данные частицы имеют начало в старославянском языке. Анализ происхождения данных частиц показывает, что обе из данных частиц являются отглагольными частицами и в процессе развития языка они подверглись процессу грамматикализации, т.е. из лексических единиц, в данном случае глаголов, они превратились в функциональные единицы. Несмотря на грамматикализацию данных частиц, они обладают обширным спектром семантических значений и прагматических функций глаголов, от которых они образованы. Подтверждением их семантического веса является тот факт, что в большинстве случаев обе данные частицы имеют наречие как эквивалент перевода, т.е. эквивалентом перевода в большинстве случаев является не функциональной, а лексической единицей.

При рассмотрении эквивалентов перевода данных частиц с русского языка на норвежский язык, был получен результат, что частица **ведь** является более употребляемой частицей, чем частица **вряд ли**. В оригинальных текстах корпуса RuN было найдено 598 случаев использования частицы **ведь**, в то время как частица **вряд ли** была употреблена только в 58 случаях. Однако в 116 ($\approx 19,4\%$) случаях перевода частица **ведь** не имеет эквивалента, в то время как частица **вряд ли** имеет своего рода эквивалент перевода во всех случаях ее употребления. Данный факт может являться показателем того, что в большинстве случаев частица **вряд ли** имеет больший семантический вес, чем частица **ведь**.

Согласно проведенному анализу трансляционных эквивалентов данные субъективно-модальные частицы обладают такими семантическими значениями:

Частица **вряд ли** обладает такими семантическими значениями:

1. Семантика уверенности в негативном результате высказывания, выраженная наречиями *vel + ingen, umulig, iallfall + ikke, nok + ikke*.
2. Семантика сомнения говорящего в достоверности высказывания, выраженная наречиями *neppe, heller + ikke, visst + ikke, visst + ingen, kanskje + ikke, knapt*.
3. Эмоционально-оценочная семантика выраженная наречиями *neppe, heller ikke, iallfall ikke, knapt, nok, umulig, vel*.

Частица **ведь** обладает такими семантическими значениями:

1. Семантика уверенности: данная семантика выражается с помощью наречий *jo, da, visst, så, nok, vel*.
2. Семантика знания: данная семантика выражается наречиями *visst, jo, ja, nemlig, for, så*.
3. Эмоционально-оценочная семантика: данная семантика выражена наречиями *nok, umulig, vel*.
4. Семантика противоречия и противопоставления, обычно выражена наречием *jo*.

Прагматические функции данных частиц очень часто совпадают: функции обеих частиц в большинстве случаев заключаются в усилении экспрессивности высказывания, а также в усилении всего или части высказывания. Довольно часто данной частью является придаточное предложение, к которому данная частица принадлежит.

Как уже было замечено выше, основная семантика частицы *ведь* в большинстве случаев является семантика знания и уверенности говорящего в своем высказывании, в то время как основная семантика частицы *вряд ли* выражает сомнение говорящего в достоверности высказывания. Данные семантические значения являются абсолютной противоположностью, однако взяв во внимание эквиваленты перевода данных частиц, можно предположить, что в некоторых случаях их семантические поля пересекаются. Так, например, в некоторых случаях употребления данных частиц, их эквивалентами перевода являлись наречия *nok, vel, for, visst* :

<i>Ведь</i>	Nok	Nok	Vel	Vel	Visst	Visst	For
<i>Вряд ли</i>	Knapt nok	Nok ikke	Vel + ingen	Vel ikke	Visst + ingen	Visst ikke	For + ikke

(Tab.3)

Все из данных эквивалентов являются субъективно- модальными наречиями и выражают оценочную экспрессивность, вследствие чего они полностью передают модальность и экспрессивность данных частиц. В случаях с частицей *ведь*, ее эквиваленты выражают уверенность говорящего в своем высказывании. В случаях с частицей *вряд ли* данные наречия также выражают уверенность говорящего в своем высказывании, но данная уверенность относится к ожидаемому негативному результату. Следовательно, в данных случаях употребление как негативного маркера *ikke*, так и негативного местоимения *ingen* относится не к уверенности говорящего, а к ожидаемому негативному результату высказывания.

Таким образом, как показывает анализ эквивалентов перевода, во многих случаях частицы *ведь* и *вряд ли* выражают абсолютно контрастные семантические значения, в то время как в некоторых случаях их семантические значения пересекаются. В частности, их пересечение происходит в семантическом поле значения уверенности говорящего в своем высказывании. В случае с частицей *ведь* данная уверенность состоит в позитивном результате высказывания, в то время как в случае с частицей *вряд ли* данная уверенность относится к негативному результату высказывания. Поскольку данные эквиваленты усиливают экспрессивность и эмоциональный окрас выражения, то можно предполагать, что в данном семантическом значении данные частицы также пересекаются в выражении их прагматической функции в высказывании.

Следовательно данный анализ подтверждает гипотезу Николаевой, что в некоторых контекстах семантические значения частиц могут пересекаться. Данный анализ также показывает, что в некоторых контекстах частицы не могут быть взаимно заменяемы, поскольку они выражают индивидуальное семантическое значение, или же индивидуальную прагматическую функцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЧАСТИ 3

В своей статье о частицах русского языка, Николаева выражает мысль, что прагматический смысл высказывания не будет таким же, если из высказывания исключить частицу. Что же случится, если мы проигнорируем существование субъективно-модальной частицы в тексте перевода и применим нулевую эквивалентность по отношению к ней?

Прежде всего, члены предложения определяются на основе их синтаксического отношения к глаголу. Поскольку частицы не являются членами предложения, в предложении или высказывании их употребление не может быть обязательным. Однако исключение субъективно-модальной частицы из контекста может привести к изменению смысла всего высказывания или предложения. Поскольку семантика подразумевает «фиксированный контекстно-свободный смысл», это семантическое значение предложений, которое будет отличать данные высказывания или предложения друг от друга. В частности, нулевая эквивалентность дискурсивных частиц в высказываниях текста перевода будет влиять на модальность высказывания, т.е. от "нефактического" модального высказывания в оригинальном тексте, высказывание или предложение перейдет к "фактическому" высказыванию с нулевой модальностью в тексте перевода. Поскольку модальность имеет семантическое значение, то ее недостаток в эквиваленте перевода может привести к недостатку семантического смысла перевода.

В своей книге *«Распространенные частицы дискурса в английском разговоре»* (*Common Discourse particles in English Conversation*) Шоуруп (Schourup) утверждает, что частицы дискурса не могут быть продуктивно извлечены из их индивидуальных ситуационных высказываний (Schourup: 1985: 15). Он предполагает, что частицы

дискурса должны быть полностью поняты с точки зрения их роли в конкретном разговорном контексте. С помощью анализа эквивалентов перевода частиц можно проанализировать и изучить реальные контексты с использованием частиц и их эквивалентов перевода. Данный анализ поможет идентифицировать семантические свойства частиц, которые, как правило, идут вместе со своими семантическими функциями.

Николаева предполагает, что значение дискурсивных частиц в русском языке во многих случаях пересекается, в то время как в некоторых случаях они несут индивидуальный смысл. И действительно, данные RuN Corpus показывают, что рассмотренные в этой работе частицы имеют широкий диапазон трансляционных эквивалентов которые в некоторых контекстах пересекаются, в то время как в некоторых контекстах они выражают абсолютно индивидуальное значение.

Во многих случаях дискурсивные частицы имеют нулевую эквивалентность, в то время как во многих других случаях рассмотренные частицы имеют субъективно-модальную частицу дискурса или субъективно-модальное наречие как эквивалент. Примеры смены функциональной группы частиц на эквивалент лексической группы наречий в языке перевода показывают, что зачастую частицы имеют более весомое семантическое значение, или же более весомый функциональный вес в предложении или высказывании, чем мы предполагаем.

На примерах рассмотренных частиц мы видим, что субъективно-модальные частицы фокусируется на контексте и выражают модальность, то есть выражают дополнительные семантические нюансы и отношение говорящего к высказыванию. Субъективно-модальные частицы являются неизменяемыми функциональными словами, которые придают словам и предложениям множество дополнительных семантических и прагматических значений. Без данных дополнительных значений, выделенное ими слово или высказывание по существу было бы неполным. Так как частицы являются особенностью разговорного языка, они также влияют на стиль текста (в некоторых работах именуемым регистром): присутствие частиц дискурса в тексте делает данный текст более неформальным, в то время как их отсутствие в тексте делает данный текст более формальным.

Bibliography / Dictionaries:

- *Engelsk Blå Ordbok*, 1999. Kunnskapsforlaget.
- *Oxford Advanced Learner Dictionary*, 2005. Oxford University Press.
- Ozhegov, Sergey I. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. (Словарь Ожегова, толковый словарь русского языка) online:
<http://www.ozhegov.org/words/2841.shtml>
- Ragnvald Taule. 2000. *Escolas Ordbok*. Escola forlag AS.
- The Free Online Dictionary: <http://www.thefreedictionary.com/>
- *Толковый Словарь Русского Языка Ожегова*,
<http://www.ozhegov.org/words/4305.shtml>
- *Этимологический словарь Фасмера*, <http://enc-dic.com/fasmer/Navrjad-8544.html>
- Измаил Срезневский, *Словарь Древнерусского Языка*, Частица **Ведь**:
<https://books.google.no/books?id=8ApBAgAAQBAJ&pg=RA3-PA482&lpg=RA3-PA482&dq=вѣдѣти&source=bl&ots=7tSFHPcdTK&sig=tYprCb2nhj2BgenOxh8F8EuhZik&hl=no&sa=X&ved=0ahUKewjh6aiPg8TTAhUEXiWKHQXyDqEQ6AEIRDAF#v=onepage&q=вѣдѣти&f=false>

Bibliography:

- Гость с Енисея [Сафонова-Пирус]: <http://galinasafonova-pirus.ru>
Источник: <https://www.chitalnya.ru/work/1896616/>
- Baker, Mona (2nd ed., 2011). *In Other Words: A Coursebook on Translation*, London & New York: Routledge.
- Boase-Beier, Jean (2006) *Stylistic Approaches to Translation*. Manchester, St. Jerome.
- Cook, Guy (1989) *Discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Culler, Jonathan (1976) *Saussure*, Glasgow: Fontana/Collins.
- Graedler, Anne-Lise (2005) *Oversettelse og praktiske øvelser, innføring*. Oslo: UiO, Representralen.
- Jakobson, R. (2000) 'On linguistic Aspects of Translation' in L. Venuti (ed), 113-118.

- Halliday, M.A.K. (1994) *Introduction to Functional Grammar*. London, New York, etc: Arnold. 2nd edition
- Halliday, M.A.K. (2001) "Towards a theory of good translation", in Steiner, E and C. Yallop: *Exploring Translation and Multilingual Text Production. Beyond Content*. Berlin, Mouton de Gruyter, ss.13-18
- Hasselgård, Hilde; Lysvåg, Per; Johansson, Stig (1999) *Glossary of grammatical terms used in English Grammar: Theory and Use*. Oslo: Universitetsforlaget
- House, Juliane (2001) "How do we know when a translation is good?" in Steiner, E and C. Yallop: *Exploring Translation and Multilingual Text Production. Beyond Content*. Berlin, Mouton de Gruyter (33 s)
- Fairclough, Norman (2001) *Language and power*, 2nd ed. London and New York: Longman.
- Faarlund, Jan Terje; Lie, Svein; Vannebo, Kjell Ivar (2006) *Norsk referansegrammatikk*. Universitetsforlaget, Oslo
- Munday, Jeremy (2001) *Introducing Translation Studies*. Routledge
- Николаева, Т.М. (1985) *Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков)* [Текст] / Т.М. Николаева. – М.: Наука, 1985. – 186с.
- Newmark, Peter. (1981) *Approaches to Translation*. Oxford and New York: Pergamon.
- Падучева, Е.В. (2016) *Русская Корпусная Грамматика*, <http://rusgram.ru/Модальность#11>
- Palmer F.R. (2001; 1st ed. – 1986). *Mood and modality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schourup, Lawrence C. (1985). *Common Discourse Particles in English Conversation*. New York, London
- Thompson, Geoff (2nd ed. 2004). *Introducing Functional Grammar*. London: Arnold.
- Toolan, Michael (1998). *Language in literature: An introduction to stylistics*. London: Arnold.
- Venuti, Lawrence. (1995). *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London & New York: Routledge.